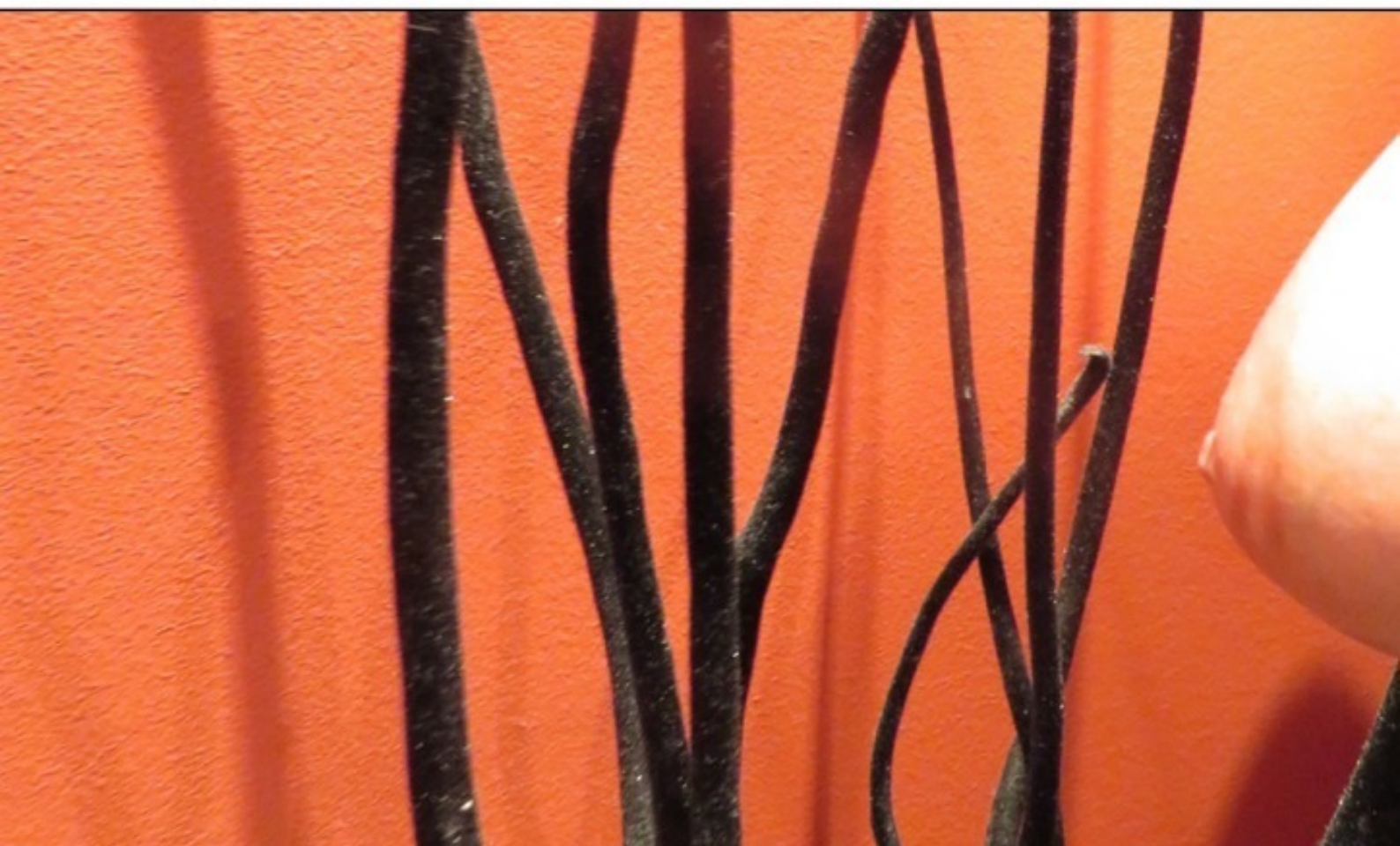

Игорь Шинкаренко

Служанка любви

Роман в письмах

Игорь Шинкаренко

Служанка любви. Роман в письмах

«Издательские решения»

Шинкаренко И.

Служанка любви. Роман в письмах / И. Шинкаренко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906652-7

Действие повести разворачивается в середине 19 века, повествование ведётся в форме писем, адресованных одной известной оперной певицей своему врачу и другу, излечившему её в своё время от осуждаемой в обществе болезни. На протяжении этой переписки мы наблюдаем процесс превращения юной и неопытной девушки в искушённую в любовных делах женщину.

ISBN 978-5-44-906652-7

© Шинкаренко И.
© Издательские решения

Содержание

Маленький анонс	6
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	9
Уроки любви	21
Кларисса	30
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Служанка любви Роман в письмах

Игорь Шинкаренко

Почти обнажённая...

Хоть... и не голая...

Сквозь облако кружев

Тело твоё течёт в

Мой неистовый рот...

© Игорь Шинкаренко, 2018

ISBN 978-5-4490-6652-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленький анонс

Почему я должна что-либо скрывать от вас? И хочу ли я этого? Вы всегда были моим самым настоящим, самоотверженным другом, на которого я могла положиться в трудную минуту. В самых сложных ситуациях моей жизни вы мне оказывали неоценимые услуги, настоль важные, что теперь я прекрасно понимаю, что могу полностью довериться вам.

Впрочем, ваше желание узнать мельчайшие подробности моей жизни меня не удивляет!

Во время наших прежних бесед я частенько замечала, что в вас заметна склонность к выяснению тайных пружин женского организма и мотивов его поведения, не столь очевидных для остальных мужчин... просто в силу физических различий, скрытых в нас, женщинах, а также нашего духовного состояния, которое сильная половина человечества, как она сама себя назвала, и даже чрезвычайно образованная его часть, каковой несомненно являетесь вы, затрудняются объяснить.

Жизненные обстоятельства нас с вами, к сожалению, отдалили друг от друга, и мы, вероятно, больше никогда снова не увидимся. Я всегда с большой благодарностью вспоминаю, какую неоценимую помощь вы мне оказали во время постигшего меня огромного несчастья, когда я считала свою жизнь уже окончательно погубленной. И во всём том, что вы сделали для меня в этот период моей жизни, как вы меня защитили, не думая о собственных интересах и возможном ущербе для вашей репутации, видна ваша огромная доброта. Только от вас зависело, окажу ли я вам все те милости, которые женщина может предоставить мужчине, ведь вам было известно, что я питаю слабость к вам... а также особенности моего темперамента.

Возможности, которыми мы обладали, проявили к нам невнимательность, и я часто впоследствии восхищалась вашим умением владеть своими желаниями и инстинктами. Мне известно, насколько вы чувствительны, даже в мелочах, к слову, как и я, и вы мне частенько повторяли, что у меня одновременно трогательно-невинный и пронизывающий взгляд, благодаря которому я имею гораздо большую власть над мужчинами, чем другие женщины. Это, очевидно, ваше убеждение относительно моей женской и сексуальной сущности, иначе вы не выказали бы мне довольно странное, на первый взгляд, желание общаться со мной без обвиняков и ложного женского стыда (которым, как мне кажется, страдаю и я), обсуждая с вами мои интимные опыты и мою концепцию «мыслей, чувств и времени», то есть изменения взглядов женщины по отношению к наиболее важным моментам её жизни, любви и союзу с мужчиной, да и не только с ним, так как мужчина, как бы ему не хотелось об этом мечтать, не является единственным желанным партнёром в любовных играх женщины. Выполняя ваше желание я испытывала, поначалу, изрядное стеснение, что кажется мне вполне естественным, так что позвольте мне начать эту исповедь с описания общих черт, присущих всем женщинам, ведь нет ничего более трудного, чем быть полностью искренним с мужчиной, поскольку обычаи и социальное положение, независимо от национальности, обязывают нас в юности соблюдать осторожность, и мы не можем быть предельно откровенными, не опасаясь огромного количества рисков, которые нас подстерегают.

Когда я стала размышлять над тем, что вы у меня попросили, и главным образом тогда, когда я вспомнила о всех ваших достоинствах, как мужчины, как личности, которая длительное время общалась со мной, ваша идея меня не только увлекла, но и развлекала, и я попыталась описать некоторые мои опыты, но взявшись за перо поняла, что определённые вещи,

которые требуют от меня абсолютной искренности, заставляют меня колебаться, и я испытываю трудности, подбирая слова и выражения для их описания. Тогда я сделала над собой усилие, думая о том, что мне хочется доставить вам удовольствие, и я позволила захватить мою душу и голову воспоминаниями о тех счастливых часах, которые я провела в моей жизни, и употребить в моих письмах слова, которые я никогда не то что не употребляла в повседневной жизни, о чём вам прекрасно известно, но даже в мыслях своих не допускала. Надеюсь, что вы не сочтёте их вульгарными, и читая их, испытаете то же возбуждение, что я неожиданно почувствовала при их написании.

В сущности, из всего, что случилось в моей жизни, единственно, о чём я сожалею, так только о том моём приключении, которое имело столь большие и известные вам последствия, и было столь несчастно для меня, но с другой стороны, благодаря ему мне пришлось прибегнуть к вашей дружбе, о чём я нисколько не жалею. Итак, после некоторого колебания я взялась за перо и снова испытала сладострастное наслаждение, описывая всё то, что лично пережила и то, что, как мне показалось, другие женщины ощутили при общении со мной. Моя кровь вновь волновалась наиболее приятным способом по мере того, как я припоминала мельчайшие детали моих любовных приключений. Это было похоже на послевкусие от тех прекрасных и сладострастных блюд, которые я ранее испробовала и которых совершенно не стыжусь, о чём вам прекрасно известно.

Мы с Вами настолько близко знакомы, что было бы смешно, если бы я решилась выставить себя в ваших глазах в ложном свете. Но, за исключением вас и, не примите это на свой счёт, одного негодяя, который столь подло обманул меня, мало кто знает глубины моей души. Благодаря практичности моей натуры, мне всегда удавалось скрывать от посторонних глаз мой внутренний мир. Кроме того, мне благоволила Фортуна, и скорее благодаря ей, а не моим заслугам, жизнь моя, в том числе и интимная, сложилась так удачно.

В моем кругу, среди моих друзей и знакомых, у меня сложилась репутация женщины добродетельной и, как говорят, холодной, хотя, редко какая женщина тридцати шести лет от роду может похвастаться тем, что она сумела использовать своё тело для такого количества регулярных и разнообразных сладострастных утех... К чему такое длинное предисловие, спросите вы? Просто я прилагаю к нему всё то, что я написала в эти последние дни, и вы сами сможете судить, до какой степени я была искренна с вами.

Я пыталась ответить на ваш первый вопрос и, кроме того, смогла при этом убедить себя в справедливости вашего высказывания, что сексуальный характер и покрывающая его вуаль этики у женщины формируются согласно особенностям и обстоятельствам, в которых они оказываются и проявляются. Я полагаю, что это применимо и к моей истории, и к тому, что случилось в моей жизни.

Я собираюсь продолжать упорно и усердно писать эту мою исповедь, однако, вы не получите моего второго письма прежде, чем ответите на это. Тем временем, эта двусмысленная запись развлекает меня намного больше, чем я думала поначалу, и ваше благородство мне гарантирует, что вы не злоупотребите моим неограниченным доверием к вам.

Что стало бы со мной без вас, без вашей дружбы и без ваших ценных советов...? Быть несчастной, бедной, одинокой и опозоренной в глазах всего света...!

Кроме того, мне прекрасно известно, что вы хоть немного, но любите меня, несмотря на вашу внешнюю холодность и очевидную незаинтересованность.

Приветствую Вас, и etc., etc.

5 февраля 1850.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

СУПРУЖЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

Мои родители, добропорядочные обыватели и отнюдь не богатые люди, но, как положено для представителей среднего сословия, они, несмотря ни на что, дали мне образцовое для моего времени образование и надлежащее воспитание, а благодаря живости моего характера, лёгкости в обучении и вовремя развитом у меня музыкальном таланте, я была баловницей дома, фавориткой моих родителей.

Мой девичий, или, скорее, женский, темперамент ещё не проснулся в достаточной мере к моим восемнадцати годам, и кто бы удивлялся. Мои познания в сексуальном различии между полами, как и у большинства девушек моего круга и того времени ограничивались историями, рассказанными мне родителями в период случавшихся у меня к тому времени сексуальных приливов и вызванных ими расспросов о различиях между мужчинами и женщинами, и вполне мещанских и не совсем умных родительских ответов о том, что в природе существует такая птица, как аист, которая приносит в хорошие семьи детей, и что некоторые странные и загадочные вещи происходят во время свадьбы между мужчиной и женщиной и дальше в течении их брака, но эту басню они приберегли мне для более поздних времён. Такие разговоры, естественно, не вызывали во мне ни особого интереса, ни слишком пристального любопытства. Мои чувства в этом не принимали никакого участия. Зато это было время появления первых знаков моей половой зрелости, когда лёгкое руно выходящих волос появилось у меня в том месте, которое моя мать никогда не обнажала в моем присутствии, и на которое мне стало очень любопытно поглядывать по утрам и вечерам. Когда я оставалась одна в комнате, я тщательно рассматривала этот непонятный стремительный рост миленьких белоснежных волосиков в окрестностях того ценного места, миленькой упругой расселинки между моих ног, которую они окружали, и которая, как я подспудно подозревала, будет иметь в моей жизни очень большое значение... можно сказать, определяющее, так как все в этом мире тщательно скрывали это местечко, окутывая его со столькими хлопотами всевозможными предметами одежды. Во время восхода солнца, когда я была уверена, что нахожусь в комнате в одиночестве за закрытыми дверями и ставнями окон и меня никто не побеспокоит, я снимала зеркало со стены, ставила его вниз у стенки под наклоном, чтобы отчётливо рассмотреть это местечко между моих ног. Я пальчиками раскрывала то, что природа закрыла столь тщательно, но от этого понимала все менее и менее то, о чем мои подруги тайком рассказывали мне... как происходит наиболее близкий, внутренний союз и контакт между мужчиной и женщиной. Я визуально констатировала, что всё это было невозможно. Я видела на античных статуях, каким образом очень различно природа снабдила человека, мужчину и женщину, тем, что у них было между ногами. Я постоянно пыталась разгадать эту загадку, рассматривая себя при любой возможности, и в то время, когда я мылась в холодной воде по утрам, и вообще всегда, когда у меня появлялась возможность побыть одной и обнажённой. Однажды в воскресенье мне довелось увидеть мою мать обнажённой, и я была поражена округлостью её груди и полнотой бёдер. Эта констатация мне доставила непонятное удовольствие. Я стала мечтать о таких же формах у себя, пыталась строить причудливые версии и объяснения имевшему место различию между нами, но все равно ничего не смогла понять. Я хорошо помню, что в эту эпоху начались мои легкомысленные игры с моим телом. В эти времена, по вечерам, в постели, я сама удивлялась тому, что провидение само необдуманно направляло мою руку в самый низ моего живота, заставляя её поигрывать с нежными колечками зарождающихся там волосиков. Жар, который передавался

моей руке, развлекал меня и уносил в какие-то неведомые страны... и обычно в этом месте я засыпала, с рукой, застывшей между моих ног.

Мой отец был достаточно суровым человеком, а мать, напротив, являла собой пример женского добродетели и, как вы уже поняли, обладала безупречной фигурой. Я их любила страстно, как только дочь может любить образцовых родителей, хотя, не могу не отметить, что отец, которому было сорок лет, никогда не шутил в моем присутствии, не говорил никаких нежных слов моей матери, которая была моложе его на шесть лет.

И, конечно, я никогда не подозревала, что под столь серьёзной внешностью и столь достойными манерами моих отца и матери может скрываться буйная чувственность и необузданный аппетит к сексуальным наслаждениям.

Случай мне позволил открыть эту тайную грань натуры моих родителей.

Мне было восемнадцать лет и я, естественно, получала всё необходимое в моем возрасте религиозное образование и обучение для обряда конфирмации. Нашего пастора я любила неземной, что называется, любовью, так же как и все мои подруги.

Впоследствии я частенько замечала, что учитель, и особенно, религиозный наставник, это первый мужчина, который производит неизгладимое впечатление на умы молодых девушек. Если его проповеди следуют одна за другой, и если он к тому же человек известный в вашем округе, все его молоденькие ученицы обязательно потянутся к нему. Но это замечание всего лишь к слову, но я непременно возвращусь ещё к этому вопросу впоследствии.

Итак, мне было восемнадцать лет, моё тело практически полностью развилось, то есть неумолимо приближало меня к женщине... иными словами, я походила на расцветающую розу.

Приближался день рождения моего отца. Его жена и моя мать с любовью делала все необходимые приготовления к этому празднику. Что касается меня, то я уже с раннего утра была одета в праздничное платье, так как мой отец любил красивые туалеты. Я написала праздничную оду в его честь, но вас не должно это удивить, ведь вам известен мой маленький поэтический талант (между нами говоря, в этот день я должна была быть на уроке у пастора, но у меня был, таким образом, повод пропустить это занятие), и взяв большой букет цветов, который я сама собрала рано утром, я отправилась к матери, чтобы вместе с ней поздравить отца.

Мои родители не имели общей спальни комнаты, у каждого была своя. Отец частенько работал допоздна и не хотел беспокоить супругу... по крайней мере, он так говорил.

Позже я опять же поняла, что это очевидный знак их разумного способа совместной жизни. Супруги должны избегать, насколько это возможно, бесцеремонности ежедневной небрежности. Все хлопоты и процедуры, которые необходимо совершить на заре или при заходе солнца, не пренебрегая и ночным туалетом, часто выглядят довольно нелепыми для персоны другого пола, они разрушают привлекательность вашего сексуального партнёра, и общая жизнь теряет свою прелесть. Итак, мой отец не спал в спальне моей матери. Обычно он вставал в семь часов утра, и поэтому в день его годовщины, как выяснилось, мы-моя мать и я, не сговариваясь поднялись заранее, в шесть часов утра... она, для того, чтобы подготовить подарки и увенчать последними мазками портрет мужа, который она написала к его юбилею, а я, чтобы нарвать цветов для букета ему в подарок. Правда, к семи часам утра мама уже пожаловалась

сама себе, что утомилась, и ей необходимо на несколько мгновений снова прилечь в постель в ожидании пробуждения супруга.

Бог знает откуда ко мне пришла эта идея, но я подумала, что было бы очень мило с моей стороны удивить моего любимого папу моим неожиданным появлением в спальне матери и принести ему мои добрые пожелания по случаю юбилея. Я услышала, как он закашлял в своей комнате, следовательно, уже встал и собирался, как обычно, вскоре отправиться к жене. В то время, как моя мать давала последние указания служанке, я, пользуясь этим, незаметно просочилась в её спальню и скрылась за прозрачным покрывалом алькова, который служил одновременно гардеробом. Гордая и счастливая моим планом преподнести неожиданный подарок, я затаилась за ажурной створкой, когда в спальню вернулась мама. Она быстро разделась и тщательно вымылась. Я впервые так близко видела красивое тело моей матери полностью обнажённым. Затем она склонила большое зеркало, которое стояло у подножия кровати возле умывальника таким образом, чтобы в него можно было смотреться, лёжа на постели, и легла в кровать. И тут я поняла, что оказалась в чрезвычайно деликатной ситуации, и мне хотелось умереть в этом алькове, чтобы никто не узнал о моем поступке. Предчувствие мне подсказало, что перед моими глазами собираются приключиться вещи, которые юная девушка не осмеливается видеть. Я задержала дыхание и дрожала всеми моими членами. Внезапно дверь открылась и вошёл мой отец, одетый так же, как и каждое утро, в элегантный халат. Едва дверь ещё только стала приоткрываться моя мать незамедлительно закрыла глаза и сделала вид, что спит. Отец приблизился к постели и созерцал картину спящей жены с нескрываемым выражением большой любви. Затем он вернулся к двери и толкнул замок. Я все больше и больше дрожала от страха и хотела провалиться сквозь землю напрямик в преисподнюю. Отец же медленно снял свои штаны и остался в одной рубашке. Он тихонько приблизился к кровати и с огромной осторожностью поднял лёгкое покрывало с моей матери. Теперь то я прекрасно знаю, что картина, которая предстала перед его и моими глазами, была отнюдь не случайной, но тогда я наивно полагала, что поза, в которой на белоснежной простыне лежала моя мать, раскинувшись... нет, буквально разметавшись по постели... с раздвинутыми ногами... была случайной. Вид женского тела в такой позе... крепкого, упругого, цветущего, зовущего к чему-то сладострастному... поначалу вызвал у меня стыд. Рубашка на матери была поднята кверху, а её белая и круглая грудь с алым, торчащим, как я теперь понимаю, от возбуждения, соском, выскочила за пределы пенистых кружев корсажа.

Впоследствии мне встречалось совсем немного женщин, которые осмелились бы предстать таким образом перед своим законным мужем... да и перед любовником тоже. И обычно это связано с банальной причиной – тело женщины обычно быстро деформируется после двадцати лет от роду.

Мой отец несколько минут упивался этим спектаклем, разыгранным его супругой перед его глазами. Затем он потянулся к спящей жене и начал с целого набора медленных ласок невероятной деликатности. Он целовал её в шею, потом спустился к груди, задержавшись на бутончике соска, который он полностью обхватил своими губами, после чего продолжил свой спуск с поцелуями вниз, задержавшись на упругом животе, пока не достиг, наконец, рощи, скрывавшей вход в её пещеру. Моя мать стала вздыхать, как будто ей не хватало воздуха, чтобы дышать, затем она потянулась на спине, как будто во сне, ещё шире разведя свои ноги и принялась совершать странные движения бёдрами. Кровь прилила к моему лицу, мне стало стыдно от увиденного, как будто на моих глазах совершалось преступление, я хотела отвести глаза... но не смогла, заворожённая дивным спектаклем. Когда мой отец, внезапно ускорил свои движе-

ния, подкрепляя их уже не столь нежными, сколько страстными поцелуями, моя мать открыла глаза, как если бы она внезапно проснулась только что, и сказала с глубоким вздохом:

– Это ты, мой дорогой...? Я мечтала сейчас о тебе во сне... а ты явился ко мне наяву. Как приятно ты меня будишь! Тысячу и миллион добрых тебе пожеланий в твой день рождения!

– Самое прекрасное из них – это ты, ведь ты позволила мне тебя удивить. Как ты красива сегодня! Ты должна была бы видеть себя со стороны!

– Ты застал меня врасплох! Ты закрыл запор двери?

– Да, не бойся. Но если ты хочешь мне действительно пожелать добра и увидеть меня счастливым, позволь себе расслабиться, а мне действовать, моя прекрасная, моя дорогая, моя любимая женщина. Ты такая же свежая и душистая, как бутон утренней розы, полный росы.

– Я тебе позволяю всё, мой ангел. Но разве ты не хочешь дожидаться вечера?

– Невозможно остановиться на полпути столь упоительной дороги. Ты можешь легко убедиться, что я не могу больше ждать. Я сейчас взорвусь от любви!

И поцелуи полились рекой, не желая заканчиваться... Между тем, его рука становилась все более и более настойчивой, а её движения нежно-напористыми и ласковыми, и моя мать сладострастными вздохами и движениями тела отвечала на его атаки. Поцелуи превратились в жгучие и страстные покусывания. Мой отец целовал свою жену в шею, грудь, сосал её маленькие, уже багровые от возбуждения сосочки, ласкал их с жаром, говоря нежные слова любви, которые иногда прерывали приятную ласку его губ, и моя мать отвечала ему подобным же образом. Так как отец был обращён ко мне спиной, я не могла увидеть всё то, что он делал, но по страстным восклицаниям моей матери я понимала, что она ощущала чрезвычайное наслаждение. Её глаза закрылись, грудь ритмично вздымалась и опадала, все её тело непроизвольно вздрагивало. Она вздыхала и шептала урывками:

– Какое наслаждение! Я тебя обожаю! Ты так любезен, так искусен в своих ласках! Ах! Это всё потому, что мы так любим друг друга! – И затем послышались сладострастные оно-матопеи!

Каждое из этих слов зафиксировалось в моей памяти. Сколько раз я мысленно повторяла их потом! Они меня заставили в последующие дни немало поразмышлять и помечтать! И мне кажется, что я до сих ещё слышу, как они звенят в моих ушах!

Затем, внезапно, они замерли. Мама оставалась неподвижной, с закрытыми глазами, расслабленным телом, а отец производил впечатление раненого солдата, который не может больше следовать за своей победоносной армией. Итак, у меня не было больше ни моего сурового отца, ни моей добродетельной и достойной матери. Я их лишилась в течении нескольких минут. Теперь я видела лишь пару существ, не соблюдающих правила приличия, бросившихся в каком-то ослеплении, в дурмане, в одно жгучее наслаждение, о котором мне до сих не было ничего известно. Отец остался на мгновение неподвижным, а затем сел на край постели. В его пылающих глазах стояло дикое выражение первобытного человека, которое я видела на цветных литографиях, и в них застыла животная похоть. Моя мать же вдруг снова стала сладострастно стонать. В течение этого спектакля моё дыхание отказалось мне повиноваться, я зады-

халась от нехватки воздуха, а сердце оглушительно билось и буквально вырывалось из моей груди. Тысячи мыслей пробудились в моей голове, и я беспокоилась, боясь быть обнаруженной и не зная, как мне незаметно покинуть мой тайник. Моё сомнение длилось, между тем, совсем недолго, так как то, что я увидела только что, оказалось всего лишь прелюдией к основному действию. Видимо бог хотел, что бы я за один раз увидела достаточно, чтобы не нуждаться более в дальнейших уроках.

Отец сел рядом с моей бесстыдно раскинувшейся на кровати матерью. Теперь он был развернут ко мне лицом. Должно быть, отец страдал от жары, так как внезапно снял с себя рубашку и оказался передо мной совершенно голым.

Я буквально застонала, настоль меня возбуждало любопытство, ведь представшая передо мной картина была совершенно невероятной. Такого я не могла вообразить даже в самых смелых моих фантазиях.

Я, наконец, поняла, взглянув на моего отца, что живые мужчины могут быть сделаны иначе, чем маленькие мальчики или статуи, которые я уже видела прежде! Я прекрасно помню, как по моей спине пробежала прелестная дрожь при виде его тела... мускулистого, с маленькими капельками пота на плечах и... невероятного, толстого и длинного отростка с утолщением на конце, похожего на гриб, и этот гриб находился самый в том самом месте, где у нас был вход в пещерку. Отец продолжал оставаться недвижимым, он не брался вновь за дело, а лишь фиксировал свой взгляд на своей жене и партнёрше и, казалось, пытался совладать со своим собственным пылом и страстью, хотел их обуздать, как шаман дикого племени, пытающийся не испугать девушку, которую он собирается принести в жертву на алтаре, а она, одурманенная наркотическими запахами, разливающимися вокруг, изнемогает от желания в ожидании своего жреца.

Меня била все более сильная и глубокая дрожь, как будто со мной должно было что-то приключиться... что-то, что неистово дразнило всю мою сущность, и неизведанное... новое для меня, для моей плоти и духа.

Я уже знала по рассказам моих подруг, что эта часть мужского тела, впервые представшая моему взгляду наяву, не будет соответствовать тому, что я видела на картинах в музея и на литографиях в книгах, и превзойдёт то, что мне представлялось в моих ночных фантазиях после стыдливого лицезрения произведений скульпторов-классиков в музеях. Но как это было возможно? Я этого не могла понять, потому что мне показалось, что то что я увидела, нарушает и оскорбляет мои представления о классических пропорциях. Выждав несколько мгновений, мой отец схватил руку моей матери и страстно поднёс её к своим губам. Поначалу она позволила ему действовать с видом блаженного смирения, после чего восторженно открыла глаза, томно улыбнулась, и вдруг набросилась с такой страстью на губы моего отца, что я поняла, что мне сейчас предстоит присутствовать при сцене, по сравнению с которой предыдущая покажется совершенно невинной. Они не разговаривали, а лишь обменивались необыкновенно жгучими поцелуями, внезапно разрушив ту завесу и пелену, которую цивилизация и холодный климат навязывает человечеству.

Затем моя мать опрокинулась на кучу подушек, как будто для того, чтобы вдруг надолго забыться во сне, но я заметила, что на самом деле она ищет наиболее благоприятное положение для своего тела, дабы иметь возможность беспрепятственно созерцать себя в зеркале, которое она утром заранее, до прибытия моего отца, предусмотрительно установила у подно-

жия кровати. Отец этого не заметил, так как был всецело поглощён лицезрением прекрасного, сияющего страстью лица моей матери, обращал внимание на самую сущность моей матери... которая в это мгновение нашла положение, которое искала и со сладострастным стоном раздвинула ноги, а мой отец встал на колени перед нею и направился, как новый Моисей к Земле Обетованной, или, как новоявленный Колумб к желанной Индии, или, как новый Монгольфье к небу, которого он хотел достигнуть, или, как Данте и Вергилий, страстно стремящиеся к аду¹, к расселине между её ног, и она опьянённо проворковала:

– Люби меня как можно нежнее, мой дорогой, чтобы наше счастье никогда не прерывалось. Сегодня, завтра и всегда... всю нашу жизнь, до глубокой старости и даже, если это возможно (а я в этом не сомневаюсь), и после смерти, которая не сможет разделить эти настоль нежно и крепко соединённых сердца, как наши.

А я, бедная невежественная девушка, понимала ли я в то время, о чём говорила моя мать? Я лишь увидела, что когда она произнесла эти слова, они обнялись с юношеской нежностью и жаром. Вместо того, чтобы кричать от боли от такого жёсткого объятия, к чему я была внутренне готова, глаза моей матери блеснули от радости. Она шептала самые нежные слова, которые я могла себе представить, и даже те, что я слышала впервые в моей жизни, и которые я вслед за ней повторяла, как маленький ребёнок. Её горящие от страсти глаза следовали за каждым движением и любым жестом, которые она видела в зеркале. Тысяча противоречивых чувств, которые тогда нахлынули на меня, не позволили мне признаться самой себе, что эти два сплетённых тела были прекрасны. Теперь я уже знаю, что такая красота крайне редка. Великолепие и живописность любовного переплетения тел всегда является достоянием сильных и здоровых существ, и очень немногие мужчины и женщины могут этим похвалиться в зрелом возрасте, ведь болезни, повседневные заботы, страсти, общие недостатки человеческого общества накладывают на них неизгладимый отпечаток и частично разрушают силу и красоту, дарованную в юности человеку богом и природой, и у большинства человеческих особей весна жизни очень рано близится к концу. Моя мать была немало взволнована происходящим и сладострастно улыбалась. Было видно, что страсть её возрастала и начинала захлёстывать сердце. К несчастью, я не видела лица моего отца, но по его движениям, восклицаниям, да и по дрожи, которая одновременно пронизывала эти два существа, столь идеально соединённые перед моим взором, я почувствовала, какое наслаждение испытывает мой отец. Вскоре, он перестал говорить, а моя мать, напротив, исторгала бессвязные слова, едва вразумительные, но которые мне позволяли, тем не менее, ухватить смысл того, что проходило между ними:

– Мы не расстанемся никогда, мой любимый... мой единственный! Хочу, чтобы сама смерть нас приняла держащимися вместе за руки.... Нет, никогда. Ах!... Как ты силен, как ты прекрасен!... Я тебя люблю сегодня ещё больше, чем во времена нашей первой ночи после свадьбы.... Скажи мне, воспоминание об этом времени... оно ведь доставляет тебе удовольствие! И ты... ты по прежнему меня любишь также, как в те благословлённые времена, когда ты мне признавался в своей вечной любви?... О!... Мой дорогой друг, мечта всей моей жизни, скажи мне, что я – твоя подруга, которую ты нежно любишь и что никогда, ни на один миг ты не прекращал меня любить так же сильно, как в первый день... тот, когда ты мне принёс самый прекрасный букет в моей жизни из анютиных глазок и незабудок!

Мой отец ничего не говорил. Он лишь благосклонно улыбался и ласкал лицо своей любимой супруги. Он также, я в этом не сомневаюсь, думал о прошедшем времени, об их моло-

¹ «Данте и Вергилий в аду» (фр. *Dante et Virgille en Enfer*) – картина живописца XIX века Вильяма Бугро.

дости, о времени, когда, как утверждала моя мать, он ей робко предлагал букеты анютиных глазок и незабудок, и которые она с дрожью принимала. И восторженное лицо, с которым он откинул свою голову на край кровати, оставаясь неподвижным, как будто он умер и его голова была потеряна в зыби воспоминаний. Затем он повернулся, словно вернулся из мира былого в действительность, но лицо его по-прежнему было отрешённым. Мама первая вышла из этого странного состояния, но у меня было время, чтобы заметить изменения, которые произошли в них обоих. Отец, который, несколькими мгновениями прежде мне казался столь сильным, столь смелым и храбрым, стал вдруг слаб, в сущности, как будто механизм без внутренней пружины, словно гонец Фидиппид, умерший после забега и сообщения о победе при Маратоне, или араб, оставленный без воды караваном в пустыне. Моя мать, напротив, вернулась в наш мир более живой, чем прежде, хотя утомление и изобразилось на её красивом лице, окрасившемся в прелестные и живые цвета, как у юной девушки. Она привсталала и облокотилась на локоть, чтобы созерцать с огромной нежностью тело моего отца. Счастливы супруги, чей длинный союз не утомил ни одного из них!

Я присутствовала при этом спектакле, проживая вместе с его участниками свидетельство их вечной любви, которая казалась столь же сильной, как и нежной, и всё такой же живой, как и в те времена, когда они только познакомились! Редкие супруги, слишком экзотические в наши времена, это правда, могут похвалиться этим, и я всегда думаю о вас, мои родители, вспоминая эту незабываемую сцену.

Наконец, моя мать снова прилегла в постель рядом с моим всё ещё пребывающим в мечтательно-отрешённом состоянии отцом. У него теперь было лицо полностью удовлетворённого человека, а у его супруги, напротив, нет. Она, казалось, снова была во власти всё того же возбуждения, которое ранее захватило её супруга. Мама встала и принялась умываться.. Делая свой туалет, она посматривала, как бы случайно, в зеркало, и мой отец, которое был теперь на её месте, на подушке, не мог видеть изображение, которое так радовало её совсем недавно.

Я следила за этой сценой с таким вниманием, что этот маленький жест не ускользнул от моего внимания, но смысл его мне стал понятен намного позже. Я полагала, что всё было уже закончено, и была невероятно взволнована, испытывала неведомое мне доселе физическое наслаждение, которое вдруг стало причинять мне почти физическую боль. Я думала о том, как мне не выдать своё присутствие в спальне и утихомирить мои болезненные ощущения, но, одновременно, я была так заинтригована происходящим, что мне хотелось увидеть что-то ещё, получить маленький бонус. Сидя у ног супруга, моя мать обняла его и спросила нежно:

– Счастлив ли ты?

– Более чем когда-то, моя восхитительная супруга. Я сожалею лишь о том, что ты, как мне показалось, не так счастлива, как я. Я же тебя люблю не только с нежностью, но скорее... с нежной яростью.

– Но это не имеет значения. В твой день рождения для меня существует лишь только твоё удовольствие. Впрочем, я тебя люблю не меньше, чем ты любишь меня.

Говоря это, она склонилась над ним и принялась его целовать, тихо поднимая на его возбуждённое от страсти лицо свои большие нежные глаза. Теперь, я хорошо видела всё то, что происходило между ними. Вначале она целовала моего отца, что-то едва слышно приговаривая при этом, ласково, нежно, и настолько возбуждающе, что спазмы сладострастия проявились на лице моего отца. Правой рукой она прижалась к его голове, а левой распустила свои волосы, став похожа на жрицу германских лесов. Я видела её длинные кудрявые волосы, её большие глаза

с длинными ресницами, её красивый прямой нос с трепещущими от возбуждения ноздрями, могла рассмотреть, как хищно приоткрывались её губы, обнажая прелестные белые зубы. Наконец, о чудо, глаза моего отца воскресли, он снова стал любезным, в нем проснулась сила и возбуждение, которые я видела вначале свидания, когда он только появился в спальне матери. Моя мать, увидев, что её усилия достигли своей цели, хищно улыбнулась, глаза её засияли от страсти и, внезапно, она прилегла на лежащего в кровати отца и стала покрывать его тело поцелуями. Благодаря зеркалу, я могла лицезреть происходящее в двух ракурсах. Тело отца было распростёрто по всей длине кровати, низкая спинка которой открывала мне непосредственный вид на происходящее в постели, и кроме того второй вид на него появился сзади в зеркале у стены. То, что до сих пор я могла видеть только частично, следуя глазами за сближением тел, теперь я имела возможность отчётливо видеть в зеркале, и двойная картинка позволяла добиться эффекта моего непосредственного участия в этом действе. Я никогда не забуду этого спектакля! Это было самое красивое зрелище, самая красивая постановка из тех, которые я могла только желать увидеть в моей жизни, видела и в которых сама участвовала. Он был намного красивее, чем все те, которые я видела впоследствии. Два супруга были в полном здравии, сильные и чрезмерно возбуждённые. Теперь, во время второго акта сегодняшнего спектакля, уже моя мать была активна, в то время как её супруг и мой отец были намного спокойнее, чем прежде. Он обнимал свою прелестную и белокожую супругу, брал её волосы, пропускал их между губ, покусывал их, когда моя мать склонялась чересчур близко к нему, и всё его тело, за исключением рта, оставалось почти неподвижным. Моя мать, напротив, расходовала без жалости свою чрезвычайную живость. Руками она ласкала красивое, умное лицо своего мужа. И эта сцена, которую я видела, меня поразила, взволновала и испугала одновременно.

И в тоже самое время, одновременно, я была и взволнована и приятно расслаблена. Если бы я не опасалась измять моё платье, я бы немного изменила свою позу, и раздвинула бы мои затёкшие от долгой неподвижности ноги, и с большим удовольствием продолжила бы наблюдать за преображениями моей матери, которая, казалось, забыла о всех условностях. Эта серьёзная и важная в повседневной жизни женщина сейчас была только безудержной, страстной супругой, настоящей вакханкой. Этот античный спектакль был неопишем и прекрасен. Твёрдые члены моего отца, круглые, белые, ослепительные формы моей матери и, главным образом, огонь её прекрасных глаз, которые волновались, как если бы все жизненные силы этих двух счастливых существ сконцентрировались в них! Когда моя мать поднимала голову, я видела, как их губы с сожалением отдалялись друг от друга, но тела, наоборот, тесно, буквально с судорогами, прижимались друг к другу, я видела, как их руки играли с локонами их шевелюр... иногда они улыбались, но улыбка появлялась лишь для того, чтобы исчезнуть как можно скорее. Теперь и моя мать тоже молчала, но они оба казались счастливыми в одинаковой степени. Их глаза тонули друг в друге, изо рта вылетали страстные восклицания, мой отец, казалось, возрождался, как феникс из пепла, он начал исторгать из себя глубокие вздохи, иногда отклонялся от моей матери, как будто для того, чтобы иметь возможность созерцать со стороны этот спектакль любви, и его актрису, приму, его прелестную и восхитительную супругу, которая ему являла удивительное и шаловливое лицо. Мой отец кричал: «Я тебя люблю, о моя благословенная жена, я тебя люблю!» И в тот же самый момент моя мать восклицала: «Да... да, мы будем любить друг друга, как Филемон и Бавкида²» Их восхищение длилось несколько минут, затем наступило молчание.

² Филемон и Бавкида-герои античного мифа. Однажды Зевс и Гермеспод под видом обычных путников посетили Фригию, но напрасно они пытались попасть на постой в дома местных жителей, везде получая отказ. Лишь в одной маленькой хижине, принадлежащей старикам Филемону и Бавкиде. Дабы накормить гостей, они пожертвовали своим единственным гусем, который пытаясь спастись бросился к ногам Зевса, который запретил хозяевам резать птицу, но к удивлению стариков количество еды на столе после этого необъяснимо возросло. Зевс объяснил хозяевам, кто он на самом деле, и в благодарность

Я оцепенела. Оба существа, к которым я до настоящего времени ощущала самую сильную в мире любовь и уважение, открыли мне только что те вещи, на которые девушки в моём возрасте смотрят с восхитительным абсурдом. Они одновременно перенесли меня из мира условностей, показного достоинства внешних приличий в мир, который от меня тщательно скрывали, в мир, в котором мужчины и женщины ищут только страсть и сладострастие, и ничего другого. Но я не хочу сейчас философствовать, а желаю, прежде всего, лишь рассказать, вернее пересказать, факты, свидетелем которых я была.

В течение десяти последующих минут мои родители оставались буквально двумя мертвецами под покрывалом. Затем они поднялись, оделись и оставили комнату. Я знала, что моя мать собиралась отвести супруга в салон, где были выставлены подарки для него. Эта комната выходила на веранду, из которой можно было попасть в сад. Через несколько минут я украдкой оставила мой тайник и спаслась бегством в этом самом саду, откуда и приветствовала моих родителей. Я не знаю, как мне удалось хладнокровно продекламировать мою оду в честь юбилея отца и пожелать ему всех благ. Для него же моё тревожное состояние стало лишь поводом для умиления, однако я не осмеливалась смотреть в глаза моим родителям, не в силах забыть спектакль, который они только что разыграли перед моими глазами, ведь воспоминание об их шалостях по-прежнему живой картиной стояло перед моими глазами. Мой отец обнял, меня, а затем и моя мать. Но это был уже другой вид поцелуя? Я была столь растеряна и взволнована, буквально умирая от нетерпения вернуться мою комнату, чтобы побыть одной и осмыслить то, что узнала только, моя голова горела, кровь бешено пульсировала в моих артериях, что мои родители заметили это в конце концов!

Мама полагала, что я чересчур взволнована юбилеем отца и отослала меня в мою комнату. Наконец-то я получила возможность раздеться, и сделала это настоль торопливо, что практически разорвала почти всю мою одежду. О, Господи, насколько же угловато было моё тело, как же оно было ужасно по сравнению с обильной красотой моей матери! Там, где у меня только начинали выпирать маленькие холмы, у моей матери были плавные горы. Я была, как коза, в то время как мама представляла собой красивую кошку. Мне казалось, что я была монстром, уродцем при дворе прекрасной королевы, и попыталась своими руками и пальчиками сделать то, что мой отец только что проделал со своей женой, но поначалу не получила от этих манипуляций никакого удовольствия и подумала, что такую радость могут испытывать только существа зрелого возраста, что я ещё чересчур молода, чтобы получить столь явное наслаждение. Между тем, хотя, постепенно, испытываемые мной ощущения от упражнения с моим телом стали очень приятными, я всё равно не могла понять, как родители смогли достичь такого расстройства ума от общения друг с другом, из чего сделала вывод, что добаться до высшей степени сладострастия можно только при общении с мужчиной. Я стала мысленно сравнивать пастора с моим отцом. Интересно, у него было такое же красивое тело под сутаной? Он также горяч и сладострастен, также безумен со своей единственной женщиной в постели? А будет ли пастор таким же страстным со мной, если я буду готова делать ему всё то, что моя мать сделала только что своему супругу? Перед моими глазами вновь и вновь вставала одна и та же картина, прекрасный вид, когда моя мать, чтобы оживить отца, добиться его нежности, посмотрела на него так долго и страстно, прямо в его глаза, после чего стала ласкать его тело

за радушный приём пообещал исполнить любое их желание. Старики хотели всего лишь одного-служить жрецом и жрицей в храме Зевса и умереть одновременно. Громовержец исполнил их желание, превратив скромную хижину в храм, а её хозяев сделав жрецами. После долгой жизни Филемон и Бавкида превратились в конце концов в деревья, растущие возле храма из одного корня.

с восхитительной истомой и негой в теле, которая постепенно переродилась в дикую страсть, и я попыталась представить, как я тоже самое делаю со своим духовным наставником.

Итак, менее чем за один час я буквально прожила десять лет. Когда я увидела, что все мои старания и ухищрения были напрасны, я, чрезвычайно утомлённая к тому времени и морально и физически, оставила их и переместилась в размышления над тем, что предпринять в моей жизни дальше. Я была в то время уже достаточно систематичной девушкой, вела дневник, фиксируя в нём все мои небольшие опыты и описывая наблюдения, поэтому я сразу перенесла на его страницы всё увиденное мной в тот день, а также же отметила в нём все услышанные мной в тот день новые слова, но, осторожно, на разных страницах, чтобы никто не смог понять вырванные из контекста фразы, если бы случайно прочитал мой дневник. Затем я принялась фантазировать и строить воздушные замки... в которых я буду жить... замки страсти.

Во-первых, я решила, что моя мать лишь делала вид, что спала, а на самом деле своей провоцирующей позой буквально заставила супруга удовлетворить её собственное желание и именно в той форме, которая была нужна ей. Она с необыкновенной заботой и тщанием скрыла это своё желание от моего отца. Мама хотела сделать вид, что это она снизошла до того, что оказала милость своему мужу, удовлетворив его желание, хотя всё было равным счётом наоборот, так что она необыкновенным образом манипулировала мужчиной. Кроме того, она специально настроила зеркало таким образом, чтобы украдкой наблюдать за сценой своего совокупления и получать от него двойное удовольствие. То, что я сама смогла увидеть в зеркале, мне доставляло больше удовольствия, чем простая реальность, я видела в нём вполне отчётливо те вещи, которые без этого от меня были бы скрыты. Все эти приготовления... мама их сделала в тайне от своего супруга. Она хотела, следовательно, получать двойное удовольствие, и, к моему удивлению, не делиться им со своим партнёром. Наконец, кроме того, она также спросила у своего мужа, не хочет ли он подождать до вечера с их любовными играми, хотя сама и не собиралась его отпускать и приготовила всё для того, чтобы незамедлительно утолить свою страсть!

Во-вторых, они оба кричали во время акта совокупления: «Я тебя люблю, я тебя люблю!» Они говорили также о чём-то, что происходило во время их любовного восторга, но я не смогла, к сожалению, разобрать все их слова, и когда они оба вдруг замерли, то ещё раз воскликнули вместе: «Я тебя люблю!» Но о чём они всё-таки ещё говорили? Я не сумела понять, и не могу вам рассказать о всех тех глупых объяснениях и гипотезах, которые я изобрела тогда, потому что это вряд ли будет вам интересно. Удивительно, что несмотря на естественную природную хитрость, присущую всем девушкам, они так долго блуждают в потёмках, не находя или обнаруживая лишь изредка наиболее естественные и самые простые объяснения своим естественным желаниям и волнениям, которые посещают и сотрясают их тело и душу.

Было вполне очевидно, что поцелуи и игры не были основным элементом происходящего между моими родителями, и они были только возбуждающими средствами, хотя моя мать тогда ощутила, как мне показалось, наиболее сильное сладострастное возбуждение именно в это время. Игры моего отца с её телом, несомненно, заставили её кричать и стонать: «Я тебя люблю», так что она, вероятно, желала этих поцелуев, и отдавала такие же назад моему отцу.

Во всяком случае, у меня было столько мыслей по этому поводу, что я не могла успокоиться на протяжении всего оставшегося дня. Я не хотела никого расспрашивать о природе нахлынувших на меня ощущений, так как мои родители занимались этим украдкой, и вполне очевидно, что они хотели бы сохранить произошедшее в тайне. В течении дня в наш дом было

нанесено немало визитов, и во второй его половине прибыл мой дядя в сопровождении жены и моей кузины, девушки в возрасте девятнадцати лет, и с ними была гувернантка из французской части Швейцарии. Они провели у нас ночь, так как у этого дяди были какие-то дела в нашем городе на следующий день, так что кузина и её гувернантка разделили на эту ночь со мной мою комнату, а кузина даже вынуждена была спать со мной в одной кровати, поскольку в комнате была только одна, моя, хотя, между нами говоря, я предпочла бы разделить своё ложе с гувернанткой, для которой разложили походную кровать. Ей было приблизительно двадцать восемь лет, она была девушкой сообразительной, живой, и на любой вопрос у неё был ответ. Я думаю, что в жизни любого человека присутствует такая личность. Без сомнения она смогла бы рассказать мне множество пикантных историй, посвятить меня в сущность запретных и неизвестных мне доселе вещей. Я не знала, как мне начать разговор с ней, так как она была очень строга с моей кузиной, но решила положиться на интимность ночи и на случай, который обычно приключается в нужный момент, выковав в своей голове тысячу планов. Когда мы поднялись в нашу комнату, Кларисса (так звали гувернантку) уже была там, и она заранее подняла ширму между нашими кроватями. Солнце скрывалось за горизонтом к тому времени, и она нас с кузиной заставила прочитать вечернюю молитву, после чего, пожелав нам доброй ночи и порекомендовав поскорее заснуть, унесла лампу на свою сторону.

Гувернантка вполне могла обойтись без этих наставлений в адрес моей кузины, ведь та, едва оказавшись под одеялом, тотчас же заснула, сладко засопев. Я же... я не могла сомкнуть глаза, тысячи мыслей путались в моей голове. Я слушала, как Кларисса двигала свою кровать, как она раздевалась и делала свой вечерний туалет. Слабый луч света пробивался в небольшую дырочку толщиной в булавочную головку в ширме, разделяющей наши кровати. Я склонилась со своей постели и с помощью шпильки для волос увеличила это отверстие, после чего прильнула правым глазом к этой дырочке, и Кларисса предстала передо мной, одетая в ночную рубашку в тот самый момент, когда она как раз её снимала.

Её тело было не столь красиво, как тело моей матери... формы его, однако, были довольно круглы и полны, у неё была маленькая и упругая грудь с нежными сосочками, а также хорошо вылепленные ноги. Я на неё смотрела несколько мгновений и даже успела помечтать о таком теле для себя. Затем Кларисса вытащила книгу из своей сумки, лежащей на столе, села на край постели и принялась её читать.

Вскоре она встала и подошла с лампой на нашу сторону, чтобы посмотреть, заснули ли мы к тому времени, и я плотно закрыла глаза, притворившись спящей, и вновь их открыла лишь тогда, когда гувернантка вернулась к себе за ширму и села на стул. Я это увидела, вновь прильнув глазами к известной мне дырочке. Кларисса читала свою книгу с большим вниманием. Книга, должно быть, рассказывала о неких особенных вещах, так как её глаза сверкали, щеки покраснелись, грудь волновалась и, внезапно, она поднесла книгу ближе к глазам, положила ноги на край постели, и принялась читать с ещё большим вниманием и удовольствием. Я не могла, конечно, знать, что она читала и о чём, но эта картина навеяла мне воспоминания о той, что я увидела утром в спальне моей матери. Иногда, Кларисса, казалось, читала очень медленно и внимательно, затем вздохнув, буквально с открытым ртом, начиная при этом ёрзать на своём стуле. Я была столь заинтересована этой игрой, что не заметила маленькую спиртовку на столе. Она была зажжена и какая-то жидкость дымилась на ней в кастрюльке. Кларисса, должно быть, разожгла её ещё до моего прихода в комнату. Время от времени девушка погружала палец в жидкость, чтобы проверить, не согрелась ли она, не достигла ли нужной ей температуры. Когда она вытащила палец в очередной раз, я увидела, что это было молоко. Затем Кларисса достала пакет из своей сумки, открыла его и распаковала какой-то странный инстру-

мент, назначение которого я не могла понять. Он был чёрного цвета и имел точно ту же форму как и тот, что я увидела сегодня утром во время супружеской сцены у моего отца между ног. Кларисса погрузила его в молоко, затем поднесла к своей щеке, очевидно для того, чтобы убедиться, что инструмент был достаточно тёплым. Наконец она повторно погрузила верхушку этой штуки в молоко, сжала оба шара на другом конце и заполнила, как помпой, этот инструмент тёплым молоком. Затем Кларисса вновь села на стул, положила свои широко раздвинутые ноги на постель, прямо напротив меня, так, так что я могла видеть практически все её манипуляции, и бросила книгу левой рукой рядом с собой. Кларисса могла, таким образом, переворачивать страницы книги свободной рукой (у меня едва хватило времени, чтобы увидеть мельком несколько изображений, однако я не смогла различить того, что они из себя представляли), после чего схватила инструмент своей правой рукой и вновь начала читать книгу со столь большим вниманием, что я даже попыталась рассмотреть название книги, но всё-таки не смогла разобрать его. Кларисса читала медленно, и иногда проводила рукой по колечкам волос между своих ног.

Её глаза светились, они, казалось, просто поглощают изображения из книги. Наконец она, казалось, нашла в ней интересное место, и её внимание удвоилось, в то время как язык стал выплясывать время от времени на краях её алых и влажных губ страстный танец, и при этом Кларисса восхитительно и призывно вздыхала. Она продолжала держать в правой руке свой странный инструмент, который я больше почти не видела, потому что он исчез у неё между ног. Она пользовалась этой игрушкой со всё большим и большим оживлением, буквально лихорадочно двигая ею в своей пещерке до тех пор, пока книга не упала на землю, и она не взялась за свой инструмент двумя руками. Кларисса закрывала свои глаза, потом их вновь открывала, чтобы закрыть тотчас же вновь. Движения век и головы стали беспорядочными, казалось, её тело лишалось чувств. Она неистово кусала свои губы, как будто для того, чтобы задушить крик, готовый вырваться из её горла, и который мог бы выдать её. Мне стало понятно, что наивысший момент страсти стремительно приближался. Я увидела, как тело Клариссы выгнулось, натянулось так, как будто ему угрожает большая опасность, и она хочет выжить любой ценой и готова сопротивляться этой опасности, затем она застыла на несколько мгновений в такой позе, после чего её тело обмякло, и она осталась неподвижной, при этом грудь её продолжала волноваться. Наконец, глаза Клариссы открылись. Она приложила усилие, пытаясь подавить усталый зев, затем вытащила откуда-то между ног свою игрушку, очень тщательно её протёрла, и, упаковав в футляр, уложила инструмент в свою сумку, после чего пошла посмотреть ещё раз на нашу сторону, чтобы убедиться, что мы спим. Затем она легла в кровать и вскоре заснула со счастливым и удовлетворённым лицом, мне же ещё долго не удавалось заснуть. Я была бы счастлива разгадать загадки, возникшие перед моими глазами с утра в спальне матери, и сейчас, когда я увидела сцену с Клариссой... загадки, которые будоражили мою маленькую ещё незрелую головку.

В сущности, я была сильно раздражена своей беспомощностью и неопытностью, а потому и решила позже обо всём расспросить Клариссу. Она должна была меня утешить, всё мне разъяснить, помочь мне выяснить правду. Я выстроила тысячу планов, как мне этого добиться, и моё ближайшее письмо вам расскажет, каким образом я их выполнила.

Была ли я довольно откровенна с Вами...? И нравится ли это вам...? Напишите, прошу вас!

Уроки любви

Кларисса была моей единственной надеждой в раскрытии тайн, о существовании которых мне стало известно в день рождения моего отца. Мне хотелось тотчас же пройти за ширму на её сторону и прилечь в её постель. Я бы умоляла Клариссу, я бы ей угрожала, и она просто будет вынуждена исповедоваться передо мной и объяснить эти тайные, странные и возбуждающие вещи, о которых я узнала сегодня. Она меня научила бы их имитировать... те движения моих родителей... и всему тому, чего я хотела столь сильно. Я уже обладала в то время тем холодным разумом и практичностью, которые позже помогли мне избежать многих неприятных вещей. Я чувствовала, что если Кларисса мне откажет, судьба или случай могут в будущем меня предать, и я могу быть удивлена некоторыми вещами, которые могли встретиться на моём жизненном пути, или мои родители могут нанести мне неизгладимую душевную травму, как это чуть не случилось сегодня, и всё это вкупе могло привести к непредсказуемым последствиям. Все моё тело в этот момент горело, у меня был зуд в некоторых его частях, так что я была вынуждена с силой прижиматься к подушкам, чтобы его унять. Итак, в результате, чувствуя, что речь шла о неких запрещённых вещах, я решила сопровождать моего дядю за город, чтобы найти случай поговорить наедине и в непринуждённой обстановке с Клариссой, после чего меня сморил сон и я, наконец, заснула.

У меня не возникло никаких проблем в претворении моего плана в жизнь. Мои родители с лёгкостью позволили провести мне неделю на свежем воздухе на природе. Собственность моего дяди оказалась в нескольких километрах от города, и мы уехали туда сразу же после обеда. В течение всего дня я была настолько любезна и доброжелательна, насколько это возможно, и мне показалось, что Кларисса смотрела меня с удовольствием. Моя маленькая кухня была тоже не равнодушна ко мне, а мой кузен был очень робок. Так как он был единственным молодым мужчиной, которого я могла посещать без подозрений, первым делом я подумала о том, что поначалу следовало поговорить обо всём именно с ним. Он мог бы меня утешить, разрешив вопрос со всеми моими загадками, которые мучили меня с тех пор, как я скрылась в день рождения отца в алькове спальни матери. Я была очень дружелюбна с кузеном и даже провоцировала его томными движениями и вздохами, недавно просмотренными и подслушанными мной, но он старательно избегал меня. Кузен был бледен и худ, у него были беспокойные и суетливые глаза, и было видно, что ему очень неприятно, когда я дотрагивалась до него во время разговора. Вскоре я поняла, что такое поведение более чем странно для юноши его возраста, учитывая, что всё молодые люди, которых я знала в обществе, уже обхаживали девушек. Итак, мы прибыли в имение моего дяди в восемь часов вечера. Несмотря на поздний час было ещё очень жарко. Утомлённые дорогой, мы поторопились подняться в свои комнаты, чтобы заняться своим туалетом, и куда нам принесли наш чай. Хотя с моей стороны было очень наивно предложить это... но мой фокус удался, и я устроилась таким образом, чтобы спать в комнате гувернантки. Я объяснила, что мне страшно спать одной в чужом доме, и все нашли это моё желание вполне естественным, да и Кларисса, как мне показалось, была довольна произошедшим, поэтому я была убеждена, что остаток моего плана также будет осуществлён в соответствии с моими идеями. Однако мне не хотелось отправляться в постель, не поучаствовав в ещё одном приключении в тот же день, хотя сегодня я по-прежнему не могу рассказывать о нём без горечи и отвращения. После чая мне захотелось утешить свою естественную потребность, и, поскольку, в туалетной комнате было две двери, одна рядом с другой, бок о бок, получилось так, что оба отхожих места были отделены друг от друга лишь только тонкой перегородкой, в которой были довольно широкие щели. Я уже собиралась выходить, когда услышала, как кто-то приближается к туалету, поэтому затихла, решив переждать.

Кто-то вошёл в кабинку рядом и запер дверь. Я не хотела выходить прежде, чем мой сосед удалится. Из любопытства и без всякой задней мысли я посмотрела в щель в перегородке и увидела моего кузена. Он занимался чем-то таким, во что я не могла поверить... Кузен сидел с вытянутыми ногами и спущенными штанами и пытался разбудить свою летаргию с большим огнём и воодушевлением, тиская себя руками между ног, и я заметила, что эта операция вскоре привела к превосходному результату. Так же, как моё тело не могло сравниться с телом моей матери, так и тело моего кузена не могло даже близко походить на тело моего отца, а его орган между ног, после того, как он поднялся вверх, был не такой длинный и более тонкий, чем у отца, да и головка его не так явно походила на хороший лесной гриб, на боровик. Скорее это был нераскрывшийся сморчок, как те, что горничная иногда приносила с рынка. Но кузен усердно трудился над ним своими руками, с завидным постоянством и рвением обхватывая свой грибок, и вскоре его глаза, холодные поначалу, понемногу ожили. Я увидела, как он задрожал, как будто неожиданно замёрз, как сжал свои губы и, внезапно, результат стольких усилий появился перед моими глазами... пока ещё загадочный для меня результат. Его сморчок выстрелил какой-то белой жидкостью и забрызгал ею стены и пол кабинки. Я посмотрела на плоды жизнедеятельности кузена на полу, чтобы убедиться, что именно эту цель преследовала его рука, теперь неподвижная и усталая, висящая верёвкой вдоль тела. Этот спектакль объяснял мне много вещей, особенно из тех, что мои родители говорили друг другу, и показал, что именно Кларисса заменила каким-то искусственным предметом. И всё это в тот момент мне показалось чрезмерно противным, гадким. Справедливости ради стоит всё-таки заметить, что в течении этого спектакля растущая нервозность смешивалась у меня с любопытством и даже некоторым возбуждением. Но теперь, видя протрацию и уныние этого молодого человека, его тайный грех вызывал во мне лишь отвращение. Его глаза были устремлены в одну точку, казалось, он находился на пороге смерти. Мои родители, отец и мать, были прекрасны, когда они кричали друг другу: «Я тебя люблю», а тут же было совсем другое. Кузен, напротив, был сейчас некрасив, смешон, казался иссушенной фигой со своей фальшивой страстью. Я очень хорошо понимала то, что делала Кларисса, так как девушка всегда лишь вынужденно тайно предаётся своим чувствам и наслаждению и, впрочем, она это делала с энтузиазмом, живостью и страстью, в отличие от моего кузена, который, напротив, предавался этому занятию машинально, без поэзии, уставший и скучный, как животное. Что могло толкнуть крепкого и здорового молодого человека к тому, чтобы предаваться страсти, как отверженному бедняку, в то время как его окружает такое количество женщин и девушек, которые могли удовлетворить его страсть намного легче и красивее?

Я чувствовала себя так, как будто меня лично оскорбили, лишили чего-то в моей жизни. Если бы мой кузен с просьбой помочь ему убажить его тело обратился ко мне, я ему вероятно, не отказала и сделала бы всё то, что моя мать сделала накануне моему отцу... то, что его непременно бы восхитило и удовлетворило.

И всё равно, я не зря провела время в кабинке туалета, поскольку узнала много новых вещей, которые помогли мне проанализировать всё то, что мне было уже известно раньше, и я сделала правильные выводы. Мне оставалось только спровоцировать на откровения Клариссу, дабы стать полностью просвещённой в этих деликатных вопросах. Я хотела абсолютно точно знать, почему мои родители от меня столь тщательно скрывали эти вещи, я хотела узнать то, о чём, как я понимала, их было опасно спрашивать, то, что было запрещено, и хотела сама попробовать, испытать этот взрыв сладострастия, осколки которого мне удалось увидеть.

Вечерело. Надвигалась страшная буря. В десять часов раздался первый раскат грома, и мы все пошли укладываться спать. Моя маленькая кузина легла спать в комнате своих родителей, поэтому я осталась одна наедине с Клариссой и сразу же притворилась спящей, хотя сама сквозь полуприкрытые веки очень внимательно наблюдала за всем тем, что она делала. Кларисса заперла дверь в спальню, открыла свою сумку и положила всё её содержимое в шкаф, тщательно скрыв под кипой белья столь знакомый мне удивительный футляр, так же как и книгу, за чтением которой я её видела раньше, и я тотчас же решила воспользоваться моим пребыванием за городом, чтобы поближе ознакомиться с этими объектами и тщательно их изучить, после чего Кларисса просто вынуждена будет мне во всём признаться, сама рассказать о своих тайных радостях, добровольно, без принуждения и угроз. Я горда собой, чувствуя, что моя хитрость её удивит, убедит и вынудит раскрыть подробности её тайной страсти без всяких увёрток. Моё любопытство росло, и не знаю почему, я испытывала от происходящего какое-то особенное удовольствие.

Буря взорвалась. Раскаты грома непрерывно следовали друг за другом, и я сделала вид, что очень испугалась. При первой же вспышке молнии я выпрыгнула из своей кровати, прибежала в постель Клариссы, и прижавшись к ней, стала дрожать всем телом, как будто бы от страха. Я умоляла её обнять меня, говоря ей, что моя мать всегда так делала, когда случалась буря. Кларисса не возражала и уложила меня в свою постель, обняла и стала ласкать... наши тела переплелись в объятиях, и я прижималась к ней изо всех моих сил, страстно и нежно одновременно. При каждом всполохе молнии я ещё сильнее буквально вдавливалась в её тело, Кларисса же обнимала меня скорее машинально, с добротой, но не так, как того желала я, ведь мне уже было к тому времени известно, как действовать в такой ситуации, чтобы добиться большего.

Жар тела Клариссы проникал в меня и разливался во мне необыкновенным образом. Я скрывала моё лицо между её твёрдых и нежных, как персики, грудей. Неведомая мне доселе дрожь пробегала вдоль моих членов, однако я по прежнему не осмеливалась дотронуться до того, чего так желала. Я была готова ко всему, но мне самой не хватало мужества проявить инициативу. Внезапно я почувствовала боль, которая стала нарастать у меня внизу живота. Я не знала, что это могло быть, и застонала. Кларисса стала меня ощупывать, не понимая, что произошло, и я направила её руку вниз моего живота, показывая место, где я испытывала болезненные ощущения. Я заверила Клариссу, что боль уменьшается, когда я чувствую там жар её руки, и что она полностью исчезнет, когда она мне разотрёт и погладит это место. Хотела бы вам сказать чистосердечно, что Кларисса не могла не догадаться о моих намерениях. Прикосновения её рук были, впрочем, довольно механическими и вялыми, она в них не вкладывала никаких чувств, я же продолжала обнимать Клариссу, сжимала её плечи, мои руки заключали в тюрьму её бюст, и понемногу я почувствовала, что другие чувства стали захватывать Клариссу.

И вот уже её рука стала ласкать меня с нежностью, но по прежнему немного застенчиво, хотя даже такими ласками я достигла поставленной мной цели. Кларисса шла к ней с некоторым колебанием, она была такая же робкая, как и я, но мне даже эти боязливые ласки, между тем, причиняли несказанное удовольствие. Я чувствовала, что желания Клариссы начинают пробуждаться, но воздержалась от того, чтобы признаться ей, что её ласки возбуждают меня и приносят мне временное облегчение от моей боли. И, в действительности, это было ощущение, которое знакомо любому человеку, познавшему руку другой персоны на вашем теле в самых его интимных местах!

Очаровательный жар проникал в моё тело, и когда палец Клариссы задевал мои соски, как бабочка задевает бархатный пестик цветущего цветка, я ощутимо вздрагивала и говорила Клариссе, что моя боль не отпускает меня, просила положить её руку мне между ног, чтобы снять пылающий у меня там жар и боль. Это, очевидно, подействовало на неё, и ласки Клариссы стали изысканно нежны, а рука спустилась вниз, чтобы с удовольствием утешить зло, терзавшее моё тело. Я достигла своей цели, ведь Кларисса, вполне очевидно, тоже возбудилась, и нежность её объятий сменилась страстью. Итак, вместе с Клариссой я попала в цель, и хотя моя хитрость была не слишком изобретательна, Кларисса тоже стала жаловалась мне на аналогичные боли внизу живота, и я предложила ей утешить её так же, как она только что это сделала для меня. Это было очень естественно, так как Кларисса сама сделала мне только что это доброе дело. Она тотчас же, без малейшего сомнения и промедления, приняла моё предложение и оставила свободную дорогу для моих рук. Я была очень горда от осознания того факта, что моя хитрость имела успех, тем не менее я весьма неловко и робко ласкала предмет всех моих желаний, ведь делала это в первый раз в моей жизни. Хотя мне не хотелось выдать себя и показаться неопытной девушкой, я сразу же поняла огромную разницу между моим телом и её, более налитым и зрелым. Достигнув заветного места между ног Клариссы, моя рука застыла, не шевелясь, и я старалась даже не дышать, пытаясь осознать новые ощущения.

Кларисса, уже весьма возбуждённая к этому моменту, не могла выдержать такую пассивность с моей стороны. Она приподнимала своё тело вверх, крутила бёдрами, её руки дрожали и странно волновались, и внезапно Кларисса мне заявила, что её боль, такая же сильная, как и у меня, требовала гораздо большего внимания с моей стороны, больших усилий, чтобы её погасить. Нежно, стараясь не прилагать чрезмерных усилий, я попыталась успокоить эту злополучную боль. Я испытывала большое удовольствие, познавая все детали восхитительной структуры человеческого существа, но была при этом весьма неловка в силу полного отсутствия опыта, что вполне естественно, принимая во внимание мой возраст, так что Клариссе пришлось самой взять инициативу в свои руки, чтобы сорвать плод наслаждения. Ей пришлось теперь играть ту же самую роль, которая была у моей матери, когда мой отец лежал без движения и страсти, а моя мать активно возрождала его желание. Кларисса целовала моё тело, страстно вздыхала, её тело сотрясала неведомая мне доселе дрожь, она страстно бросалась на мои волосы, сжимала и целовала мой затылок. Вначале поцелуи Клариссы были тёплыми и влажными, но вскоре они стали жгучими и сухими. Теперь она исторгала из своего рта короткие, нечленораздельные крики и внезапно стала торопливо и нежно целовать моё лицо. Я поняла, что она прибыла к апогею своего наслаждения, после чего её возбуждение тотчас же спало, и Кларисса неподвижно распласталась по постели возле меня, она с трудом дышала, и, казалось, потеряла сознание.

Все мои планы удались, и я преуспела в своих начинаниях. Случай и моя хитрость сыграли мне на руку, и я хотела довести нашу интимную игру до конца, чего бы это ни стоило. Когда сознание вернулось к Клариссе, она выглядела чрезвычайно смущённой и не знала, как объяснить мне своё поведение и скрыть радость и наслаждение от произошедшего только что. Моя неподвижность обманывала Клариссу. Она думала, что я всё ещё пребывала в неведении относительно всех этих вещей, и размышляла над тем, что она должна была сделать, как, какими словами мне всё объяснить, чтобы у этого приключения не было неприятных последствий для её положения в доме моего дяди. Она хотела меня обмануть, сославшись на характерную боль, которую только что симулировала, но и я также была в нерешительности относительно того, что мне следует предпринять. Следовало ли мне делать вид, что я была невежественна в этих делах или попытаться оправдать моё поведение любопытством? Если мне прикинуться инжени, то я смогу легко обмануть Клариссу, и она мне расскажет о вещах,

смысл которых мне до сих пор не был до конца понятен, и в этом случае мне не нужно будет бояться, что она выдаст меня. Я решила быть откровенной, скрыв, однако, от Клариссы, всё, что мне уже было известно, но мой расчёт привёл к другому результату. Кларисса, казалось, сожалела о том, что безоглядно отдалась пылу своего темперамента.

Я успокоила Клариссу, моментально приняв новое решение – не таиться, и рассказала ей обо всём том, что узнала предыдущим днём, и стала умолять Клариссу объяснить мне некоторые вещи, такие как её как вздохи, движения тела и странную усталость после достижения вполне очевидного пика сладострастного удовлетворения, пребывания в течении нескольких минут в неподвижности... мне хотелось, чтобы она меня посвятила во все эти интимные детали. Я скрыла от Клариссы, между тем, что следила за ней и знала, каким играм она предавалась украдкой, так как хотела убедиться, что она меня не собирается обмануть. Мои любопытные и наивные вопросы её и утешили, и успокоили. Она снова чувствовала себя в своей тарелке, как старшая сестра, дающая уроки и советы молоденькой инженеру. И так как я рассказывала Клариссе обо всём с многочисленными деталями и подробностями, и даже о поведении моей увлечённой страстью матери, она перестала меня стыдиться и призналась, что кроме религии она не знала ничего в нашем мире прекрасней сексуального наслаждения и рассказала мне обо всём, без утайки, и в моих дальнейших письмах, во многом благодаря моей дорогой Клариссе, у которой был большой опыт, вы найдёте некоторые философские размышления на тему любовных утех.

Я узнала точную информацию о строении полов, разницу между ними, каким образом происходил союз, слияние между ними, какие ценные соки, выделяемые мужчиной и женщиной, соединяются ради естественных человеческих целей, увековечения человеческого рода и более всего сильного внеземного сладострастия, а также, почему общество окутывает таким плотным покрывалом тайны эти вещи. Я узнала, что, несмотря на все опасности, которые окружают соитие мужчины и женщины, оба пола всё же могут достигнуть почти полного утоления своей страсти, но при этом Кларисса предостерегла меня от несчастья, больших последствий, подстерегающих девушку, излишне беззаботно предающуюся утехам любви.

То, что моя неловкая рука предоставила только что Клариссе и то, что мой кузен доставил своей рукой своему телу было не совсем полным утолением любовного голода, но избавляло от многих неприятностей. Хотя Кларисса уже познала все радости любви в сильных руках молодого мужчины, её сейчас полностью удовлетворяли те радости, которые она могла дать сама себе, так как у неё уже был ребёнок, и она в такой же полной мере познала все несчастья, сопровождающие матерей-одиночек. Кларисса мне привела примеры из своей жизни, подтверждающие, с какой большой осторожностью и хладнокровием следует предаваться любовным наслаждениям. История её жизни была очень интересна и чрезвычайно поучительна, и она стала примером для меня, восемнадцатилетней в то время девушки, и станет содержанием моего ближайшего письма. Однако, я уже, как выяснилось, догадалась о природе многих поступков сама по себе, но многие из тех вещей, которым Кларисса тогда меня научила, продолжают радовать меня и по сей день.

Всё это было очень красиво, но это была всего лишь сказка, в которой я не была одним из персонажей. Я же горела желанием участвовать, стать частью этих необыкновенных фантазий, познать ощущения, которые доводят мужчин и женщин буквально до обморока. В то время, как Кларисса говорила, я снова стала ласкать её тело, которое у неё оказалось столь чувствительным. Я погружала свои пальца в её волосы, гладила затылок, и когда она начинала говорить со мной более страстно, я принималась целовать её лицо и впивалась жгучими поце-

луями в её губы, пытаюсь ей объяснить, что моё воспитание не будет полным без практики. Кларисса мне рассказывала, как впервые отдалась тому молодому мужчине, который впоследствии сделал её матерью. Она хотела мне разъяснить божественное ощущение, которая настигает женщину, разделяющую любовь с мужчиной, рассказывала о восторге, экстазе, о взаимном и полном излиянии двух тел, и мои ласки делали Клариссу всё более и более красноречивой. Её маленький рот приоткрывался, губы распухли от моих поцелуев и желания, обнажая белые, как снег, зубы, и сладострастный язык. Настал момент попросить Клариссу рассказать о некоторых других вещах, но поскольку она мне только что сказала, что нужно пробовать такое самой, непосредственно, чтобы понять, я ей тут же закрыла рот моей рукой, так, что она исторгла тяжёлый вздох и незамедлительно замолчала, и стала лихорадочно ласкать её прекрасное тело, которое немного сопротивлялось моей руке, но когда я внезапно остановилась и сказала ей на ушко: «Если вы хотите, чтобы я продолжила, вы должны предоставить своё тело в моё полное распоряжение. Я в предвкушении того, что меня ожидает, и того, что вы мне только что столь восхитительно описали». Тотчас же Кларисса стала меня страстно и нежно ласкать, и в жаре её поцелуев меня стало захватывать необыкновенное, сладострастное ощущение. Она сняла мою руку со своего рта, и сама стала ласкать меня своими губами так, как это может делать одновременно и сестра и подруга, и чего я ещё не умела в то время сделать так же хорошо моей новой подруге.

Кларисса мне тогда грустно сказала: «Не старайся, моя дорогая Эльза! Твоя душа всё ещё закрыта для любви, но я не хочу тебя оставить в таком возбуждённом состоянии, с неутолёнными желаниями. Приди ко мне и сядь рядом так, чтобы я могла тебе показать способ утоления таких желаний и который будет к лицу такой красивой девушке, как ты. Я хочу посмотреть, смогу ли я тебе на словах объяснить, что тебя от максимального удовлетворения всё ещё защищает твоя девственность.» Мой отец недавно тоже говорил какие-то нежные слова моей матери, поэтому я не заставила себя упрашивать дважды и села перед Клариссой, произвольно широко раздвинув свои ноги. Как только она меня тронула, моя душа тут же поняла, что сейчас я почувствую огромную разницу между прошлым и настоящим, что боль будет другой, ведь Кларисса взялась за дело иначе. И какая разница в ощущениях по сравнению со всем тем, что я попробовала до тех пор! Как только со мной стала общаться опытная женщина, неведомое мне до сих пор сладострастие наводнило моё тело, и я не ведала больше того, что со мной творили, как будто перенеслась в параллельный мир. Мы говорили теперь скороговоркой, наши тела были совсем близко друг от друга. Я перевернулась, легла на бок и, опираясь на левую руку, играла правой рукой с её густыми косами, а их у неё их было две, и они спускались вниз вдоль её тела. Эти первые ощущения сладострастия, что я узнала задолго до моих наиболее зрелых лет, уже опьяняли меня, наполняли несказанным счастьем. Язык Клариссы ласкал меня, она проводила им по моему лицу, носу, щёкам, касалась моего языка, заполняла им мой рот, ласкала моё ухо, что меня, к моему удивлению, также сильно взволновало. Что-то чудесное, неизвестное и непонятное вливалось через мой рот в мою душу и сердце. Все мои соки, вся моя кровь пришла в движение, забурлила, и я чувствовал, что, несмотря на мою молодость, я имела право на более бурное излияние чувств. Я хотел вернуть Клариссе все её ласки сторицей, поэтому с каким то бешенством стала ласкать её так же, как она меня, пытаюсь повторить её движения. Наконец, по моей руке пошли мурашки, которые покалывали мою кожу, и наши души одновременно вознеслись над нашими телами, вместе с последними поцелуями и покусываниями, которыми мы успели обменяться. Я потеряла сознание, обрушившись на дрожащее тело моей старшей подруги, молодой женщины, никогда раньше не оказываясь в пучине таких сладострастных ощущений.

Придя в себя я обнаружила, что лежу на постели рядом с Клариссой. Она подняла покрывало и стала нежно обнимать и целовать меня. Внезапно до моей головы добралось понимание и осознание того факта, что я сотворила что-то запретное, и моё желание и огонь моего тела мгновенно погас. Моё тело было разбито, я ощущала лишь жестокий, невыносимый зуд в тех местах, которые Кларисса мне только что так искусно ласкала, но бальзам её поцелуев не мог успокоить мою грусть. Я же, сознавая, что совершила преступление, разрыдалась. Кларисса прекрасно знала, что в подобных случаях не стоит ни о чём говорить и ничего делать с такими глупыми малышками, как я, и она лишь прижала меня к своей груди и позволила мне спокойно плакать. Наконец, я заснула.

Эта ночь определила всю мою дальнейшую жизнь. Моё сознание существенно изменилось, и мои родители это заметили в последующие дни. Удивлённые, они стали меня расспрашивать о причине произошедших изменений, но, вполне естественно, членораздельного ответа не добились. Наши отношения с Клариссой также были довольно странными. Днём мы едва могли посмотреть друг на друга, но ночью происходило волшебное превращение, наши объятия становились более игривыми, а разговоры приобретали интимный оттенок. Я ей поклялась, что меня никогда не соблазнит мужчина, что я никогда не подвергну опасности своё здоровье, понимая, на сколь рискованны их объятия. Я действительно в то время хотела получать удовольствие, не подвергая себя опасным связям.

Нескольких дней, а вернее, ночей, было достаточно для того, чтобы сделать из меня ту Эльзу, какой я в результате стала, и которой вы столь часто восхищались. Я заметила, что весь мир вокруг меня изменился, стал лучше и респектабельней. Кларисса, которая мне призналась практически во всех своих сексуальных опытах, по прежнему ничего не рассказывала мне о том инструменте, который ей доставлял столь значительную радость и имел над ней, судя по всему, определённую власть. Я же желала проникнуть в тайну этого инструмента, который она мне никогда не показывала, всеми фибрами моей души. Тогда мне пришла в голову мысль похитить ключ от шкафа, где он был спрятан. Моё любопытство не оставляло мне времени для праздного времяпрепровождения, я не хотела слушать рассказы других, я хотела всё попробовать сама! В течение целых пяти дней мне не удавалось достать этот чёртов ключ, и вот... наконец-то я им обладала! Я воспользовалась тем, что Кларисса давала урок моей кухне, и удовлетворила моё любопытство. Мне удалось добраться до этой штуковины, столь тщательно оберегаемой Клариссой, и вот я держала её в своих руках, ощущая её гибкость, но при этом этот инструмент был твёрд и холоден. Мне оставалось только попытаться убедиться в его реальной полезности, но всё было напрасно. Я абсолютно не понимала, что можно с ним сделать и не ощущала никакого удовольствия, ощупывая его, но всё равно не могла смириться с этой огорчительной для меня правдой, и предприняла новые попытки разгадать таинственную сущность этой странной вещицы. Поначалу я довольствовалась тем, что попыталась нагреть этот инструмент между моих рук, после чего решила, наконец, открыть для него дорогу к тайникам моего тела, путь, как мне казалось, для сильной радости, которую другие уже испытали и о которой я не имела до сих пор никакого понятия, а лишь только смутное предвкушение возможного счастья души и наслаждения тела. Кларисса мне сказала, что даже в руках мужчины для девушки эта дорога была довольно болезненной, но что многие женщины полюбили эту вещь после нескольких лет полного отказа от отношений с любимым мужчиной. Итак, я попробовала... нагрев этот инструмент между рук, я гладила его, ласкала, и готовилась познанию новых ощущений, правда, не без некоторого опасения. В какой-то момент что-то сдвинулось в моей голове, и мне вдруг неистово захотелось заполучить этого требовательного гостя в своё тело. Я вдруг поняла, что эти четыре ночи, проведённые мной вместе с Клариссой, способствовали тому, что во мне, в моём сознании и теле, произошли большие изменения. Я была

теперь почти такой же глупой малышкой, как и раньше, если говорить о моих мозгах, но почти женщиной, если рассматривать меня физически, как все те красавицы, кого я видела вокруг меня, поэтому я решила действовать точно также, как и они, терпеливо, но не щадя себя. И при этом я решила поступить, словно Кларисса в ту самую ночь, когда я подглядывала за ней из-за ширмы, а она читала книгу с иллюстрациями перед тем, как использовать этот предмет. Я была уже сильно возбуждена, предвкушая невиданное доселе наслаждение, но по мере продвижения этого подвоя мужского органа в глубину моего тела, к моему удивлению, я испытывала лишь постоянную боль и никакого удовольствия от этого процесса. Наконец, я дошла до цели, которую желала достичь так давно и которая, как я думала, должна была быть раем, а вместо этого была одна лишь боль. Моё разочарование, в итоге, было очень сильным, ведь я не испытала ни малейшего удовольствия... одно сплошное чувство неудовлетворённости. Я подумала, что возможно, это связано с тем, что я устроена иначе, чем другие женщины, и была безутешна после этого опыта. Я не понимала ничего из того, что со мной случилось, но живо ощущала жжение и боль в ране, которую я себе нанесла этим предметом. Разочарованная, я спрятала инструмент Клариссы обратно в тайник, и хотя я была недовольна, но зла на Клариссу не держала, ведь я сама приняла это решение, не спросив её совета и помощи.

После стольких приятных впечатлений от предыдущих опытов, этот был довольно болезнен и неприятен, и кроме того, я опасалась предстоящей ночи, которую должна была провести с Клариссой, её нежности и новых открытий, новых признаний, которые она может сделать, но, поскольку, мне уже удалось её однажды обмануть, я всё-таки полагала, что и на этот раз мне не составит труда проделать тоже самое. За ужином я ей сообщила, что упала с лестницы и поранила ногу, и у меня даже потекла кровь. Ночью, в постели, Кларисса меня осмотрела и даже высказала подозрение, что, возможно, это падение мне стоило моей девственности, добавив при этом, что на моё здоровье это не окажет никакого влияния, но мой будущий муж может пожаловаться и расстроиться из-за того, что его лишили счастья стоять первым у истоков моего сексуального опыта. Но тогда, в тот момент, мне это было всё равно! Чтобы не утомлять мою голову этими размышлениями, а моё испытывавшее недомогание тело своими ласками, Кларисса отослала меня в мою постель в ту ночь. Я ей также пожелала спокойной ночи, но перед этим она меня покрыла специальным обезболивающим кремом, который снял боль в районе живота. На следующее утро я уже не чувствовала больше никакой боли, так что две последние ночи, проведённые с Клариссой в одной постели за городом у моего дяди, компенсировали мне это короткое лишение ночных забав. Я тогда на практике узнала в первый раз всё то наслаждение сладострастием, что может познать женщина, и источники удовольствия были так разнообразны, что у меня не осталось больше ни одного желания. Утоление их меня буквально раздавило, накрыв прелестной усталостью.

Итак, я испытала всё это в восемнадцать лет, а ведь моё тело ещё не созрело для таких утех, и слава Богу, что это не ухудшило состояния моего здоровья и не уменьшило в будущем богатые на удовольствия празднества в моей жизни! Мой кузен своим примером показал мне опасность излишеств в половой жизни и следующей следом моральной прострации и крайнего физического истощения. Благодаря моему рассудительному уму я никогда не выходила за пределы разумного, всегда взвешивая последствия моих поступков, иногда фатальных, и в своей жизни, как потом выяснилось, я лишь однажды потеряла контроль над своим телом и утратила своё превосходство над мужчинами. Мне повезло своевременно научиться использовать тысячу предосторожностей, когда, согласно законам общества, требовалось избегать тяжких последствий любовных утех. Тот, кто пренебрегает этими законами, сталкивается затем с длинными сожалениями за короткие моменты наслаждений. Справедливо и счастливо для меня, что я получила шанс пасть и лишиться невинности в руках молодой опытной жен-

щины, а что бы случилось со мной, если бы молодой мужчина был подобран в моём окружении моими родителями в качестве моего мужа и лишил бы меня невинности без должного умения и сноровки? Благодаря моему темпераменту и моему любопытству, я была бы потерянным существом для интимных отношений с мужчиной, так что я должна благодарить обстоятельства, что всё произошло по другому. И, прежде чем приступить к моему третьему письму, я должна вам сообщить, что заметила, хотя прошло совсем немного времени после начала моих отношений с Клариссой, первые знаки полного развития моего до того девичьего тела, начала приближения его к прекрасному женскому совершенству.

Кларисса

Очень редко случается, что у двух женщин бывает столько общих точек соприкосновения в их склонностях, жизни и также и в судьбе, как у нас с Клариссой. Когда она меня предостерегала от слишком полного отказа от отношений с мужчинами, когда она мне детально рассказывала о всех несчастьях и последствиях такого решения, то при этом также описывала и плюсы свиданий с ними и о положительных сторонах брачной жизни. Прежде чем продолжать своё повествование о моей жизни, я вам собираюсь кратко рассказать о том, что я узнала во время общения с Клариссой в течение этих нескольких ночей, а также и во время наших дальнейших отношений. Это намного лучше объяснит, чем я могла бы это сделать сама, те некоторые события и некие заблуждения в моей будущей жизни.

Кларисса родилась в Романдии, в небольшом городке Ньон. Получив очень хорошее воспитание, она осталась сиротой в достаточно юном возрасте. Благодаря полученному наследству Кларисса стала обладательницей маленького состояния и надеялась на обеспеченное будущее, но имела несчастье попасть в руки бессовестного опекуна, и вскоре он промотал её небольшие сбережения. Некоторое время спустя после смерти родителей Кларисса пошла на службу к одной венской баронессе, которая жила на красивой вилле в Морже, на берегу Женевского озера. Девушке была доверена забота о её туалетах. Баронесса была очень элегантна и изысканна, и посвящала многие часы процессу приведения себя в надлежащий её статусу и красоте вид. Первые дни баронесса была очень сдержанна по отношению к Клариссе, но вскоре стала более любезной и начала расспрашивать её о жизни и, как бы между прочим, о том, есть ли у неё любовник. В конце второй недели убедившись, что Кларисса была ещё невинна, баронесса стала относиться к ней ещё более сердечно. И вот, одним прекрасным утром, она спросила Клариссу, не могла бы она сделать ей «полный туалет». Кларисса смутилась, покраснев, так как к тому времени уже знала, что подразумевают под полным туалетом во французской Швейцарии, так же как, собственно, и в других местах. Баронесса, сказав ей, что она должна абсолютно доверять ей, раз Кларисса заменила её бывшую горничную, тотчас же заняла место на диване, вытянув ноги на два стула, стоявших перед ней, и вручила Клариссе небольшой кофр со всякими туалетными принадлежностями, рассказав ей, как нужно ими пользоваться, после чего подняла юбку вверх.

Кларисса впервые увидела столь близко и отчётливо то, что раньше не осмеливалась рассматривать. Чрезвычайно взволнованная, она принялась хлопотать над интимными местами баронессы, поначалу не слишком умело, но понемногу смогла закончить эту процедуру, следуя умелым указаниям баронессы. Баронесса была очень красивой светловолосой и белокожей женщиной, и она мылась очень тщательно, так что в этой процедуре не было ничего отвратительного. Кларисса мне описала с большой любовью строение тела баронессы и призналась, что вначале очень стеснялась, но вскоре вошла во вкус этого странного занятия и, главным образом, когда увидела, что баронесса не оставалась безразличной к её действиям. Баронесса вздыхала, ёрзала, грудь её тихо волновалась, она открывала и закрывала глаза. Её красные губы приоткрывались, обнажая маленькие зубы, а язык иногда выглядывал изо рта, словно маленькая птичка, показывающая головку из своего гнезда. Естественно, после окончания этой, по видимому, столь приятной процедуры, тотчас же, оказавшись в своей комнате, Кларисса испробовала на себе самый этот самый полный туалет. Хотя она была неопытна, но всё равно легко обнаружила, что природа скрыла в женском теле неисчерпаемый источник удовольствий, и она завершила вскоре то, что начала расчёска на её шелковистых волосиках между ног. Хитрая и догадливая, как и все девушки её возраста, Кларисса поняла, что баро-

несса хотела от неё большего, чем та простая прелюдию, которой, как она сейчас поняла, они ограничились, но боялась ей в этом признаться. Кларисса очень скоро убедилась, на сколь легко достичь полного согласия между двумя женщинами, когда желание взаимно. Однако, эта игра с прелюдией и первыми шагами в будущий мир сладострастия длилась между ними ещё несколько недель, ведь каждая из них желала, чтобы другая сделала первый шаг, каждая из них хотела быть соблазнённой и сделать вид, что лишь оказывает любезность своей сердечной подруге. Но в один прекрасный день долгожданное событие наконец свершилось. Баронесса отбросила всякую сдержанность и наконец показала себя очень чувственной и сладострастной женщиной, желающей пользоваться всеми преимуществами своей красоты, несмотря на строгие узы поведения светской дамы, которые до сих пор вынуждали её сдерживать свой темперамент. Выяснилось, что она вышла замуж за мужчину, который обессилел вскоре после свадьбы и не смог удовлетворять баронессу в течение первых лет их союза. Желания у него были, но что касалось их утоления, то тут возникали проблемы. Так же, как и у большей части женщин, её сексуальный аппетит пробудился очень поздно, зато был довольно сильным. Была ли эта физическая слабость, поразившая её супруга, связана с его возрастом, или же это было губительное продолжение юношеских излишеств, но результат был налицо, Барон был вечно уставшим, с больной головой, так что постоянное неутолённое желание мучило его супругу, став верной спутницей баронессы. Потом, в течении двух лет, барон занимал важный дипломатический пост в Париже, и когда он понял, что его бессилие окончательно, тут же отослал свою жену в ссылку в Морж на берег Женевского озера. Баронесса была очень элегантна, привлекательна, но вела жизнь отшельницы, и Кларисса заметила, что один слуга на вилле, выполнявший функции мажордома, старик с дурным характером, шпионил за баронессой, отчитываясь в Париже перед её мужем обо всём том, что он видел и слышал.

Баронесса избегала визитов в её дом любых гостей мужского пола, была очень осторожна, поскольку интересы семьи обязывали её к этому. Никто в доме или окружении баронессы не подозревал о тайном разгуле, которому она предавалась, что так однажды удивил Клариссу. Первый стыд прошёл, самые распущенные сцены между ними происходили по вечерам и ночью, утром же в доме появлялись как ни в чем ни бывало молодая женщина и девушка, между которыми были обычные отношения хозяйки и служанки, и в течении дня баронесса ничем не выдавала себя, не позволяла себе никакой фамильярности. Вскоре игры между ними стали ещё более изощрёнными. Кларисса, обнажённая, приходила в постель баронессы, но ей не нужно было рассказывать мне, что они с баронессой делали и чем занимались, так как ровно всё то же самое я уже сделала и испытала вместе с Клариссой. Но тогда баронесса играла в их игре ту же самую роль, которую теперь играла со мной Кларисса. Баронесса была ненасытна, она постоянно изобретала всё новые и новые игры, которые помогали добиться максимального контакта двух женских тел и извлечь из них наивысшее наслаждение. Кларисса мне заявила, что эта эпоха была в её жизни самой счастливой и сладострастной.

Баронесса, между тем, раз в неделю отправлялась в Женеву, чтобы сделать покупки и нанести ответные визиты знакомым. Мажордом каждый раз сопровождал её, и Кларисса также стала ездить вместе с ней в эти короткие путешествия, сразу же после того, как её отношения с баронессой стали близки. Баронесса всегда останавливалась в одних и тех же апартаментах в одном большом отеле Женевы. Они состояли из салона, спальни, маленькой комнатки для Клариссы, рядом с которой располагалась комната мажордома. Двери каждой комнаты выходили в коридор, а ещё одни двери непосредственно между комнатами были закрыты на ключ и скрыты мебелью. После нескольких таких поездок в Женеву Кларисса заметила, что там происходило что-то особенное, что баронесса от неё тщательно скрывала. Утренний туалет уже не был таким же тщательным и волнительным, как раньше, и, ни вечером, ни утром

баронесса не была мила и нежна с Клариссой в той же самой мере, как раньше. В эти дни баронесса казалась нервной, обеспокоенной, раздражительной, а простыни её постели отчётливо свидетельствовали о том, что она не могла провести ночь в одиночестве. Постель всегда была в большом беспорядке, стулья разбросаны по комнате, а белье баронессы указывало на явные знаки постороннего присутствия.

Кларисса ревновала баронессу, следила за ней и осматривала каждое письмо, подстерегала каждый визит к ней, внимательно рассматривала каждого посетителя, но не могла обнаружить ничего, компрометирующего её хозяйку. Между тем, с каждой новой поездкой она всё больше и больше убеждалась, что баронесса проводила ночи не одна, но напрасно Кларисса прислушивалась у дверей её спальни. Баронесса закрывала не только дверь коридора, а также и ту, что вела из салона в её комнату. Было невозможно долго прислушиваться возле двери в коридор, так как через неё безостановочно доносились шаги постояльцев и слуг отеля. Тогда Кларисса как то ночью оставила дверь в свою комнату приоткрытой, чтобы увидеть, если кто-то зайдёт или выйдет от баронессы, и стала делать это постоянно. Это наблюдение, или шпионаж, если более правильно назвать такое поведение Клариссы, длились несколько месяцев, и вот, однажды, случай обнаружил всё. Одной ночью случился пожар в непосредственной близости от отеля, и портье заставил разбудить всех постояльцев, чтобы предупредить их о несчастном случае и возможной опасности для жизни. Кларисса тут же устремила к баронессе, которая пришла в ужас, когда внезапно открылась дверь в её комнату. Отблески пожара проникали в комнату через окно. Баронесса была так взволнована, что едва могла говорить и, казалось, потеряла всяческий разум. Кларисса одним быстрым взглядом окинула комнату хозяйки и, наконец, получила желанное разъяснение загадочной тайны спальни баронессы. Шкаф, который всегда стоял перед дверью в соседний номер, был отодвинут прочь от стены, так что ничто не мешало некой персоне из соседнего номера легко пройти в спальню баронессы, и, к тому же, чья-то мужская одежда лежала на стуле, постель была в беспорядке, а на ночном столике она заметила мужские часы с брелоками, так что у Клариссы больше не оставалось сомнений в том, что только что в комнате баронессы был представитель мужского пола. Баронесса заметила, что Кларисса видела все эти объекты, но она была чересчур расстроена, чтобы немедленно поговорить с ней на эту тему и попытаться объясниться.

Кларисса упаковала все ценные вещи баронессы, чтобы иметь возможность, при необходимости, быстро убежать, и вдруг заметила при этом на столике ещё какой-то предмет, что-то вроде бодрюша³, который, казалось, был уже использован. Когда баронесса немного успокоилась, она незамедлительно скрыла эту вещь в своём платке. Вскоре пожар был потушен, и этот инцидент не привёл к изменению в их отношениях.

Утром, прежде чем оставить Женеву, Кларисса расспросила слуг отеля и узнала у них, что в комнате, смежной с той, которую занимала баронесса, жил молодой русский князь. Комнаты его находились рядом с лестницей другого крыла отеля, так что князь мог подниматься в свой номер, не встречаясь с другими постояльцами. Кларисса поняла всё. Несомненно, у баронессы были отношения с этим молодым русским князем... В этом не было ничего необычного, но Клариссу оскорбило, что баронесса скрыла это от неё. Кроме того она заметила, что по дороге в Морж баронесса незаметно выбросила свой платок в пустынном месте. По возвращению домой они возобновили свою обычную рутинную жизнь, но баронесса не знала, должна ли она во всём признаться Клариссе, и временами ей казалось, что Клариссе

³ Бодрюш. (фр. Baudruche) Тонкая мембрана из кишечника использовалась для изготовления тонкой натуральной плёнки, применявшейся для производства воздушных шаров.

и без того всё известно. В течение следующей поездки в Женеву Кларисса провела все свои свободные мгновения в коридоре гостиницы и ей удалось несколько раз встретить там элегантного и красивого молодого русского князя. Во время первой и второй встречи он безучастно прошёл мимо Клариссы, а при третьей уже сам подошёл к ней. Когда он узнал, что Кларисса была горничной живущей в отеле дамы, хотя при знакомстве Кларисса ему не назвала имени своей хозяйки, он не испытал ни малейшего затруднения и предложил ей зайти к нему в комнату. Движимая никаким другим желанием, кроме как любопытством, по крайней мере Кларисса мне так не раз утверждала, она последовала за ним. В коридоре никого не было, и русский увлёк её в свою комнату, обнял, ощупал её грудь, и, несмотря на энергичную защиту Клариссы, по крайней мере она так уверяла, убедился, что кроме молодости она обладала ещё и привлекательным телом. В то время как рука молодого человека развлекалась таким наиболее приятным для себя образом, Кларисса рассматривала комнату. Она заметила дверь, которая вела, как она поняла, прямо в спальню баронессы, и в голове её моментально созрел хитроумный план, так что князь, который хотел незамедлительных серьёзных отношений, столкнулся с ожесточённым сопротивлением.

Русскому аристократу пришлось удовлетвориться обещанием, что Кларисса придёт к нему ночью, когда её хозяйка будет спать. Она хотела прийти поздно, после полуночи, когда коридор будет не освещён. Русский задумался, и Кларисса развлекалась от мысли, что ей известно, о чём на самом деле думает в этот момент русский князь... как совместить эту встречу со свиданием с баронессой. Но желание познать новое тело было настолько сильнее скрупулёзности его отношений с её хозяйкой, что он условился с Клариссой о времени встречи, и она заставила его вручить себе ключ от его комнаты, рассчитывая возвратиться в неё в удобный момент. Кларисса торжествовала, продумав свой план в мельчайших деталях. Итак, баронесса отправила Клариссу в десять часов вечера в её комнату и тщательно закрыла за нею двери, но, вместо того, чтобы возвратиться к себе, Кларисса осталась на пороге спальни баронессы. И тут она услышала, как баронесса напевает мелодию модной песенки, то, чего она не делала никогда, а затем стала легко постукивать по перегородке. Кларисса тут же услышала звук сдвигаемого шкафа и открывающейся двери. Теперь она понимала, что князь появился у баронессы, и тут же устремилась в комнату русского. Бесшумно войдя в неё, Кларисса убедилась, что её никто не заметил. Луч света проникал через открытую в смежную комнату дверь, и Кларисса могла легко наблюдать за всем тем, что происходило у баронессы. Итак, баронесса, этот момент, распластанная на кровати, была в руках князя, который покрывал её шею, рот и грудь жгучими поцелуями, в то время как его рука, ласкавшая её грудь, снова поднималась к лицу и длинным светлым волосам баронессы. Баронесса была очень красивой женщиной, но привлекательность её, однако, мало интересовала Клариссу в те минуты, её глаза, полные любопытства, зафиксировались на том, что ей было доселе ещё не известно. Князь быстро разделся, и тело его было столь же красиво, как и лицо, да к тому же торс русского был чрезвычайно мускулист. Кларисса впервые видела то, что мы, женщины, осмеливаемся признавать очень возбуждающим, но о чём мы не осмеливаемся говорить. Каким же было её удивление, когда она увидела, как баронесса заключает его большой прекрасный орган, что скрывался между его ног, в вещь, подобную той, что баронесса ранее скрыла в платке, затем выброшенным в пустынном месте по дороге в Морж, и которую она достала из коробки, лежащей на ночном столике! Эта вещь, имевшая на одном конце красный шнурок, была, как она узнала впоследствии, изобретением знаменитого Ганцузского врача Кондома. Закончив этот странный туалет, баронесса завязала шнурок и посмотрела по сторонам, как будто для того, чтобы убедиться, что за ними никто не наблюдает.

Затем баронесса стала слушать со сладострастным выражением лица приятные и нежные слова, что князь шептал ей, и отвечала не менее приятными, лаская красивую голову и выющиеся волосы русского князя. Они, казалось, уже давно любили и очень хорошо знали друг друга, так как ничего не стеснялись. Кларисса, правда, не так хорошо видела происходящее между ними, на сколь хорошо я прежде видела сцену любви своих родителей из моего алькова, так как баронесса снова опустила покрывало, но она рассмотрела, что обе головы, соединившись губами, насыщают друг друга страстью при помощи поцелуев.

Следом князь исторг глубокий вздох, на который ему не менее страстным стоном ответила баронесса. В течении доброй четверти часа их тела были тесно сплетены, и их любовная игра была так зажигательна, как призналась мне Кларисса, что она почувствовала покалывание между ног из-за чрезвычайного желания, что она испытывала в это время. Но моя подруга мне также призналась, что в тот момент она желала другого удовлетворения, нежели того, что испытывала раньше, и мечтала наяву обнять и ощутить крепкий мужской торс.

Кларисса мне также рассказала о том, с какой целью и как используют средства, которые в интимных отношениях позволяют избежать стольких несчастий и позора в жизни и в обществе. Она незамедлительно поняла, как употреблять эту штучку, как только увидела, как баронесса потянула, шутя и улыбаясь, за красный кордон в конце этого бодрюша, и который Кларисса до этого видела ночью столе. Это был, как оказалось, словно громоотвод от молнии, от опасного электричества, опасного, угрожающего жизни, который позволял дочерям, вдовам и женщинам, живущим рядом с усталым мужчиной, предаваться без страха забеременеть утехам любви с полным сил жеребцом. Итак, через некоторое время Клариссе надоело смотреть на любовные утехы своей хозяйки, и ей уже хотелось прекратить эту сцену и заставить баронессу во всём признаться, хотя при этом она была вынуждена признаться сама себе, что её захлестнула волна вожделения, и полная сладострастного огня она не могла отказаться от удовольствия досмотреть этот спектакль до конца и получить более обширные знания о графе... да и быть уверенной в том, действительно ли он по назначению использовал это защитное средство, ведь ей не хотелось чересчур рисковать при встрече с ним наедине. Кларисса мне так же сказала, что как бы там ни было, ей было бы неприятно быть второй этой ночью. Затем она осторожно возвратилась в комнату, прикрыв с лёгким стуком за собой дверь. Кларисса ликовала, ведь князь напрасно будет её ждать всю оставшуюся ночь, и теперь она чувствовала, что теперь ей хватит знаний, сил и умения, чтобы справиться с возникшей ситуацией. Она хотела принять участие в этих играх и отомстить баронессе, которая не захотела сделать её, свою интимную подругу, доверенным лицом в этой связи с русским. Кларисса размышляла всю ночь о том, как ей воспользоваться своим преимуществом, и вы будете удивлены, когда узнаете, какой она задумала план, и с какими увёртками, с каким изяществом она его применила. Хитрость – существенное качество женского характера, и я на своём веку повидала восхитительные тому примеры. Всё, что имеет отношение к сугубо божественному естеству, сладострастию, хитрости и скрытности женщины довели до превосходной степени совершенства. Невероятная глупость в интерпретации прекрасной женщины становится изобретательностью, капризом, желанием или любовью, и какие неисчерпаемые средства и методы прекрасная половина человечества использует для того, чтобы достичь своей цели! И вот, прежде чем баронесса проснулась, Кларисса пошла на порог комнаты князя и постучала к нему в дверь. Он тут же открыл её, пренебрегая вопросом о цели визита и лице, которое стояло перед его дверью, наивно думая, что это был его слуга. Каково же было его удивление, когда он увидел входящую в комнату Клариссу, которую он напрасно надеялся увидеть у себя после полуночи. Князь немедленно хотел её упрекнуть за это и тут же увлечь в свою постель, чтобы наверстать

потерянное время, но Кларисса опустила его на землю, рассыпав перед ним немало упрёков и гневных слов.

Кларисса ему сказала, что приходила к нему ночью немного раньше условленного часа и увидела, что он делал с баронессой, её хозяйкой, и одновременно, его любовницей! Кларисса легко и просто могла бы получить большое вознаграждение, рассказав обо всём увиденном барону, мужу своей хозяйки, однако она не хотела этого делать, и не сделает... при условии, если она сможет принять участие в их играх с той же гарантией удовлетворения и предохранения, и даже допустила, что ей хотелось бы помочь баронессе в их удовольствиях и любовных играх, и благоприятствовать их связи. Князь, услышав это откровение, не обмолвился ни словом, буквально застыв от удивления. Он был готов на всё, лишь бы только Кларисса молчала, поскольку, если бы его связь с баронессой подверглась огласке, обе их семьи оказались бы в большой опасности. Кларисса обговорила с князем весь план действий в деталях и потребовала, чтобы он его выполнил ещё до отъезда баронессы назад в Морж на следующее утро. Поражённый пронизательностью этой девушки и обрадованный тем, что все внезапно возникшие сложности в его жизни он может разрешить столь приятным способом, князь согласился на все условия девушки, и, вслед за полной свободой, которую ему предоставила Кларисса, он был ещё более удивлён, когда она напоследок ему сообщила, что ещё невинна, так что князь не мог пожелать себе более любезную подругу для своих глаз и утех. Ему тут же захотелось доказать ей прямо сейчас, на этом самом месте, свой энтузиазм, но Кларисса энергично отбила от посягательств князя, хотя его страсть от этого стала, к её удивлению, ещё более живой. Князь не мог дожидаться момента, когда они приступят к выполнению их плана, Кларисса же от этого визита ждала не интимного свидания с князем, а овладения прелестным ансамблем, состоящим из баронессы и князя. Они напоследок ещё раз обговорили детали того, что должно было произойти часом позже. Кларисса предоставила красивому князю прекрасный прожект, но не дала того, что он более всего желал в этот момент – своё тело, оставив его в комнате, пылающим от неудовлетворённой страсти. Итак, дальше в семь часов позвонила баронесса, открыла дверь и снова легла в кровать. Кларисса привела комнату в порядок, накрыла ужин на столе и, наконец, стала собирать багаж. Всё было готово. Князь ждал в своей комнате условленного сигнала, и Кларисса прошла в салон и постучала в дверь. Это и был условленный между ними сигнал. Князь открыл её, отодвинул шкаф и внезапно устремился к баронессе, которая ужаснулась от неожиданности, ведь она не ждала в этот день князя. Он её покрыл с головы до ног поцелуями, а баронесса не могла произнести ни одного членораздельного слова, будучи полностью обескураженной происходящим, и лишь указывала пальцем на дверь в салон, в котором Кларисса шумно собирала багаж, готовясь к отъезду.

Князь сделал вид, что толкнул запор двери, закрыв его, но в действительности не сделал этого. Затем он стал умолять баронессу оказать ему в последний раз милость и высшую любезность, ведь она была столь соблазнительна ночью, что князь опасался заболеть, если она не выполнит это его желание. Он её уверил, что уже одел устройство для предохранения и ей нечего опасаться. Баронесса, без сомнения, чтобы как можно скорее освободиться от назойливого любовника, подчинилась этому желанию и допустила к себе смельчака. Внезапно князь громко вздохнул и Кларисса, которая прислушивалась за дверью в ожидании этого условного сигнала, тут же вошла в комнату. Устремив свой взор на постель и притворяясь, что она обескуражена разыгрывающимся перед её глазами спектаклем, Кларисса уронила на пол стакан, который держала в руках. Баронесса, зажмурив глаза, видимо ожидала в ту секунду момент наивысшего сладострастия, а вместо этого ужаснулась видом своей служанки, так как прекрасно поняла, что рискует сейчас потерять всё, в том числе честь и состояние. Князь произнёс по-русски какое-то непонятное ругательство, вскочил с кровати, бросился к Клариссе и вос-

кликнул в бешенстве: «Мы пропали, и теперь я должен убить эту шпионку и злодейку, и если я этого не сделаю, то она всю жизнь будет угрожать нам с вами, баронесса, и шантажировать нас. Она не должна живой выйти из этой комнаты.»

Кларисса изобразила попытку убежать, но князь преградил ей дорогу к двери. Он смотрел на неё ужасными глазами, как будто хотел испепелить, а баронесса, ни жива, ни мертва, молча присутствовала при этой сцене. Вдруг, как будто эта мысль только что внезапно посетила его голову, принц воскликнул: «Есть только одно средство завоевать молчание этой девушки. Она должна стать нашим сообщником. Простите меня, моя дорогая баронесса, я делаю это только ради вас!»

Говоря это, он схватил Клариссу, усердно делавшую вид, что она пришла в ужас от происходящего, и бросил её на постель рядом с обнажённой и дрожащей от не меньшего ужаса баронессой, действительно не имевшей понятия о подоплёке происходящего, грубо раздел Клариссу догола и набросился на неё, изображая насилие. Кларисса извивалась, словно уж на сковородке, изображая, что хочет избежать этого бесцеремонного вторжения в себя, и между тем, она незаметно раздвигала всё более и более широко свои ноги, откровенно предлагая себя принцу. Кларисса позволила себе такое поведение, лишь убедившись, что ей нечего опасаться. Она видела, что прекрасная штучка между ног князя уже была покрыта изобретением месье Кондома, которое чуть ранее уже успокоило баронессу. Затем Кларисса позволила ему войти в её расселинку между ног, притворяясь при этом, что она всего лишь подчиняется насилию. Она стонала слабым голосом, умоляла баронессу ей помочь, защитить её против бешенства этого одержимого самца, но внутренне она вся была во власти ощущений от соития с князем, которые заполнили её душу прекрасным сладострастным чувством. Несмотря на то, что голову Клариссы окутал туман наслаждения, она продолжала исподтишка наблюдать за баронессой, наслаждаясь чувством победителя, будучи здесь, рядом с нею, на её собственной постели, в руках цветущего мужчины, который изначально предназначался отнюдь не ей, а самой баронессе. Несмотря на внешние признаки очевидного насилия, князь держал Клариссу в своих руках с нежностью и мягкостью, медленно провоцируя её на ответные ласки, пытаясь достичь наиболее ценных ощущений, которым они могли радоваться без всякой опасности. Баронесса присутствовала при этом действе отнюдь не отстранённо, ей приходилось успокаивать плачущую Клариссу, и просить её не кричать столь громко. Так как кризис приближался, князь ей, кроме всего прочего, сказал: «Дорогая баронесса, если вы мне не поможет овладеть этой девушкой, мы пропадём. Мы не сможем положиться только на слово твоей служанки, если я не сумею её изнасиловать!» И баронесса стала ему помогать, неистово, изо всех сил, удерживая своими руками тело Клариссы в то время как князь удовлетворял своё желание, а Кларисса, в свою очередь, старалась бороться, защищаясь от баронессы, но эта борьба невольно провоцировала внезапные движения и потрясения, волнение и вскрики, которые увеличивали наслаждение Клариссы и привели, в результате, к мгновенной и взаимной развязке акта, в котором они участвовали. Кларисса как будто провалилась в небытие, но при этом глаза её всё видели, а уши всё слышали. Князь быстро вышел из пещерки Клариссы и встал на колени перед баронессой, умоляя её успокоиться, простить его за то, что ему пришлось использовать такое средство, и он уверил её, что это был действительно единственный способ для того, чтобы избежать грозящих им опасностей. Князь, как показалось, сумел доказать баронессе, что они только выиграют от того, что у них появится близкое им доверенное лицо в лице Клариссы, и что их связь будет впредь под надёжным прикрытием от любой неожиданности. Впрочем, если ей, Клариссе, дать ещё и денег, она станет стремиться ещё к большему. Князь столь убедительно делал вид, что принёс себя в жертву, совершив этот жертвенный акт, снизойдя до горничной баронессы, что, казалось, баронесса поверила ему.

Наконец принц попросил баронессу использовать все средства, которые были в её власти, чтобы утешить и ублажить Клариссу, когда она очнётся после обморока. Тут же Кларисса вздрогнула, как будто приходит в себя, и баронесса, заметившая маленький красный кордон, который торчал у неё между ног, быстро схватила его и скрыла в постельных принадлежностях. Кларисса торжествовала, ведь кто-бы мог себе представить, что сама баронесса ей лично окажет такую услугу! Князь в это время оставил комнату, договорившись о дате следующей встречи, и возвратился в свои апартаменты, оставив обеих женщин наедине друг с другом. Баронесса, обманутая принцем и её служанкой и крайне обеспокоенная произошедшими в её спальне событиями, для того, чтобы отвлечь Клариссу, призналась ей в своей связи с князем, но Кларисса продолжала изображать из себя безутешную девушку, честь которой только что была поругана мужчиной, любовником её хозяйки. Тогда баронесса была вынуждена рассказать ей о трудностях своей семейной жизни, и пообещала Клариссе позаботиться о ней в будущем, если та поможет ей и простит совершенное князем насилие. Кларисса прекратила, наконец, жаловаться на перенесённые страдания и посулила баронессе, что готова сохранить её тайну... и даже благоприятствовать их с князем связи и поощрять их будущие встречи. Когда все слова были сказаны, появилось ощущение, что между этими тремя персонами образовалась довольно странная связь, поскольку князь ничего не подозревал о тайных и непринуждённых отношениях обеих женщин, а баронесса, в свою очередь, о связи Клариссы и князя. Русскому аристократу, вкусившему красивое и молодое тело служанки, доставила немалое удовольствие прогулка по узенькой, девственной, нетронутой тропинке, ведущей в глубины её пещерки, и было понятно, что князь явно предпочитал Клариссу баронессе. Когда же они были одни, наедине, он предоставлял ей явные доказательства своей любви и милости, но в присутствии баронессы Клариссе практически не доставалась от князя никакого внимания, так что она вполне спокойно заявляла своей хозяйке, что принимала участие в их шалостях только для того, чтобы доставить удовольствие баронессе. Со своей стороны, та ничуть не подозревала о том, что происходило между её русским любовником и её же собственной горничной, и баронесса завалила Клариссу, которая отныне стала её доверенным лицом, роскошными подарками.

Во время следующего пребывания в Женеве Кларисса всегда присутствовала при встречах князя и баронессы, но теперь она уже смогла поставить себя в их тройственном союзе таким образом, чтобы именно ей доставались первые его фантазии и свежие силы, а баронессе приходилось довольствоваться лишь остатками. Кларисса, правда, хватило ума не утомлять баронессу рассказами о том наслаждении, которое она получала в результате этих совокуплений, чтобы этот маленький роман, лёгкая интрига, не вмешалась в её хорошие отношения с баронессой. Кларисса мне сказала, что она старалась не пробуждать подозрения своей подруги, представляя свою роль во время встреч с князем, как пассивную, и говорила своей хозяйке, что вынуждена идти на уступки собственной природе, лишь бы только доставить удовольствие баронессе. Но только князь и Кларисса знали, как на самом деле всё обстояло. Молодой русский был нежен с нею, как неопытный юноша, и любил Клариссу с той же страстью, с какой в первый раз поднялся на её девственный трон. При этом он постоянно подталкивал Клариссу к тому, чтобы попробовать любовь, не применяя изобретение месье Кондома и оценить в полной мере удовольствие от соития без механического препятствия. Князь с невероятными, художественными и философскими эпитетами и примерами описывал ей те ощущения, которые испытываешь, ощущая, буквально кожей, каждой её частичкой, как в решающий момент соития другая душа, душа твоего любимого партнёра присоединяется к твоей душе... он ей сказал, что эта смесь человеческих душ фактически освобождает дух сладострастия и является предвкушением небесного блаженства, и что это взаимное излияние в тела является истинным

желанием нашей общей матери природы. Князь также обещал Клариссе заботиться о ней, если она даст жизнь их ребёнку, но несмотря на этот елей Кларисса противилась этому желанию, и весьма энергично... ведь это ему было интересно почувствовать истечение бурного потока восхитительной реки жизни из его тела в её неприкрытую раковину, она же не хотела чувствовать в себе ни его не покрытого органа любви, ни его бальзамического оплодотворения. После того, как они вдвоём пользовались друг другом по утрам в спальне князя, любовные игры уже втроём продолжались вечером у баронессы и длились до поздней ночи. Начиная с первых опытов втроём, баронесса, как казалось, была просто очарована новыми отношениями между ними, так как князь был очень изобретателен во время наших любовных игр, и давал теперь ей намного больше, чем раньше... и чем, казалось, возможно для человеческого организма. Центр любого удовольствия находится в мозге человека, и князь постоянно придумывал всё новые, странные на первый взгляд, способы преодоления затруднений, вызванных необходимостью одновременно развлекать двух женщин с разным темпераментом, ублажать их сексуальные желания и погружать в пучину сладострастия. Князь был неисчерпаем в поисках путей, провоцирующих небесное наслаждение, предваряя его длинными преамбулами и рассказами о своих любовных приключениях. Кларисса, обычно, ложилась в кровать около баронессы, а та облокачивалась на постель таким образом, чтобы князь, развернувшись к ней всем телом, ласкал её лицо и грудь, после чего Кларисса садилась рядом с кроватью на стул и не сводила глаз с тел обоих любовников, лаская одной рукой ноги своей госпожи, а другой свой бутончик между ног. Она открывала рот от удивления, следя за изгибами рассказов русского принца, очарованная его мастерством, и никогда не прерывая оратора. Затем, в наиболее интересные моменты этих историй, она оживала, и поглаживала бедро своего любовника и его восставший посох между ног.

Баронесса, со своей стороны, также не оставалась неподвижной, и в то время, как одной рукой она играла с волосами своего любовника, другой ей доставляло удовольствие ласкать затылок Клариссы, которая с очевидной любовью поддавалась этой чувственной ласке. Это было чрезвычайно живое и яркое развлечение! Красота обнажённых тел любовников, во многом благодаря прелести баронессы, которая находилась в том возрасте, когда достигается наивысшая гармония души и тела, с её белоснежным завитком волос между ног, одновременно контрастирующими и гармонирующими с каштановыми волосами на её голове, с живым пурпуром её щёк и прекрасными формами приклонённого к ней мужчины, сильного, мускулистого блондина. Принимать участие в таком спектакле-это праздник для глаз и разума, а разделять это наслаждение с другими – двойное наслаждение! Воспоминание об этих восхитительных днях всегда грело душу Клариссы, а в то время этот спектакль удивительным образом возбуждал её, она себя чувствовала так, как будто её поджаривают на медленном огне неземной страсти и наслаждения!

Что интересно, так это то, что в действительности положение этих людей было не совсем обычным. Несмотря на большую интимность их отношений, между ними всегда стояло взаимное недоверие, и вопреки наслаждению, которое они друг другу доставляли, их любовный треугольник обволакивал туман обмана и тайны! Пока же, как я вам об этом уже говорила, моё воображение питалось и наслаждалось этим зрелищем, которое буквально стояло перед моими глазами благодаря красочному рассказу Клариссы, и мой разум советовал мне подражать этим прекрасным любовникам в жизни. Такая изысканность и изощрённость мыслей всегда следует за большой усталостью, и, как ни странно, всегда неприятна тем, кто понимает, что какую прекрасную тайну хранят одновременно более двух любовников. Итак, как только молодой князь смог утолить все свои капризы, он быстро устал от этой связи. Русский быстро остыл, словно он был в Сибири, а не в Швейцарии, вероятно, утомлённый требованиями обеих

женщин. Одним словом, он вскоре оставил Женеву после достаточно прохладного прощания со своими любовницами. Баронесса, также, не менее, чем князь, утомлённая этими не совсем традиционными отношениями, попыталась тут же отдалить от себя Клариссу, и вскоре нашла удобный для этого случай. В качестве отступных Кларисса получила более трёх тысяч франков и от князя и от баронессы.

К несчастью, Кларисса вручила эти деньги в руки своего опекуна, и отправилась жить к подруге, которая работала гувернанткой, и стала брать у неё уроки, так как намеревалась устроиться на аналогичную работу в России, поскольку в те времена там уже работало немало швейцарок, получавших огромные по тем временам деньги по сравнению с местной прислугой. Но изменения, произошедшие в её жизни, были, между тем, слишком внезапными. Кларисса не чувствовала себя счастливой в доме своей подруги, и занятия ей казались очень скучными. В доме баронессы у неё было всё, что делало её жизнь безоблачной, ведь она даже имела возможность попробовать намного больше из того, что в повседневной жизни обычно позволено девушке, не подвергая при этом себя никакой угрозе и опасности.

Итак, как вы догадываетесь, как раз это и испортило Клариссу. Её тело уже действительно нуждалось, да что там, просто не могло жить без некоторых особенных вещей. Воспоминания о красивом торсе молодого князя не отпускало её сознание и душу, являлось к ней по ночам, равно как и её собственное тело вздрагивало, представляя ласки баронессы. В течение первого месяца после расставания с ней все ночи Клариссы были бессонными и волнительными от неутолённых желаний. Для того, чтобы добиться такого же результата в удовлетворении своего тела в отсутствии двух её любовников, Клариссе не хватало самой малости... знаний и случая. Ей хотелось получить хотя бы подобие такого же наслаждения, что она испытывала с ними, но она не знала, как это сделать, опасаясь незнакомых ей мужчин. Кларисса не осмеливалась предложить другому мужчине то, что она в своё время предложила князю в особых обстоятельствах. Девушка никогда не признается мужчине в обычной обстановке о своих познаниях в таком предмете, ведь это не прибавит ей цену в глазах косной личности, если её собеседник вдруг окажется таковым, а дурные слухи в обществе ей в таком случае были бы обеспечены. Таким образом, ей было суждено провести чрезвычайно одинокий год среди своих книг и атласов, что было довольно тяжким испытанием для Клариссы, ведь что-то пробудилось, взорвалось в ней во время свиданий с князем и баронессой, и теперь сексуальный голод буквально пожирал её, и она не могла утолить его, он тиранически взрывался в её теле по ночам вместе со сластолюбивыми мечтами... но, увы, неосуществимыми. И вот, наконец, посещая однажды баню, она встретила девушку, с которой у неё вскоре завязались такие же интимные отношения, как и с баронессой. Все виды любовных игр, курьёзные беседы, осуждаемые косными личностями, рискованные опыты и шалости доставляли им чрезвычайно живые наслаждения. Вскоре они привлекли к своим играм и других своих подруг. Каждая из них сделала вид, что никогда раньше не занималась этим втайне от других, и позволяла обучать себя всем премудростям и уловкам изощрённого любовного искусства. Кларисса была ненасытна в роли учительницы. Эти тайные встреч и скрытные развлечения пробудили в ней ненасытное желание, и однажды она встретила брата одной из своих новых подруг, любезного молодого человека, хорошо воспитанного, красивого...

Кларисса тотчас же заметила, что понравилась ему. Юноша приближался к ней с волнением и неловкостью подростка, впервые увлечённого обаянием и притяжением женщины... словно он не мог сопротивляться темным силам своей природы. Клариссе же поначалу пришлось приложить немало сил и умения, чтобы скрыть порывы своей нескромной страсти, ведь она охотно бы немедленно удовлетворила с ним это своё с трудом скрываемое желание, кото-

рое было ещё неведомо юноше, но не знала, как объяснить ему, что от него требуются некоторые гарантии безопасности их любовного соития. Шарль, а именно так звали этого молодого человека, вырос в деревне, и ему были неведомы такие понятия и определения, а его слова и поступки были просты и честны. Кларисса, вкусившая к тому времени не просто любви, но и её изысков, отбивалась, со своей стороны, от всемогущества сил богини любви Афродиты и бога сладострастия Приапа. Она мечтала узнать, каково это быть хозяйкой его сердца, а не служанкой, роль которой ей приходилось до сих пор исполнять в предыдущей жизни! Но, Господи, все её принципы моментально испарились в огне первого поцелуя! Кларисса оказалась беззащитной даже перед первыми нерешительными ласками любимого! Он был столь неуклюж, что ей пришлось направлять его руки к своим жаждущим ласки укромным местечкам тела. Но как же силы природы подстёгивают, возбуждают и указывают верную дорогу даже самым наивным и наиболее добродетельным персонам, и когда они вовлечены на этот опасный путь, следует идти до конца. Клариссу премного развлекали и забавляли эти похвальные усилия, прилагаемые Шарлем, дабы добиться цели, о которой он даже не подозревал. Она чувствовала своё превосходство над ним во всём! Кларисса считала себя доминантой в их любовной связи, и поэтому полагала, что ей удастся сохранить хладнокровие в фатальный момент, поскольку от её молодого возлюбленного рассчитывать на это не приходилось, ведь он лишился чувств буквально от малейшего прикосновения её рук к нему. Она думала, что сумеет предотвратить опасные последствия их любовного соития, но Кларисса не подозревала, на сколь все фибры её души, каждый нерв её тела ждал этой интимной связи, союза любви. Она не предполагала, как может быть слаба женщина в руках любимого мужчины, когда все его мышцы и мускулы повсюду возбуждают и согревают вас своей силой и напряжением. Неслыханное возбуждение и сладострастие, даже похоть, которые при этом охватывают женщину, заставляют её забыть о любом предохранении, о любых принципах, и это неосведомлённость усыпила бдительность Клариссы, заставив её уверовать в обманчивую безопасность. При запоздалом пробуждении после сладострастного соития без предохранения она напрасно старалась отказаться от дальнейших встреч с молодым любовником, полагая, что проявит тем самым хоть и запоздалую, но осторожность. Поздно. Кларисса уже была оплодотворена... она потеряла свою честь... и её будущее было погублено! И тогда она бросилась, как принято говорить, во все тяжкие, предоставив этому юноше все права мужа, и в течение трёх последующих месяцев они испробовали всевозможные радости неземного счастья, после чего все удары злой судьбы, которые только можно было себе представить, да и то только в ночном кошмаре, обрушились на неё. Представьте себе, что опекун Клариссы потерпел банкротство и убежал в Америку, унося с собой её небольшие сбережения, а её любовник заболел и умер... Покрывтая стыдом и позором, Кларисса была изгнана из дома. Она укрылась, несчастная, в бедной деревушке, где потеряла своего ребёнка после двух лет лишений и страданий. Наконец, она приехала во Ганцию и нашла, к счастью для всех, место гувернантки у моего дяди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.